

**АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ**

Я РУССКИЙ СОЛДАТ!

ГОДЫ СРАЖЕНИЙ

**Коллекция
Изборского
клуба**

Коллекция Изборского клуба

Александр Проханов

Я русский солдат! Годы сражения

«Книжный мир»

2014

Проханов А. А.

Я русский солдат! Годы сражения / А. А. Проханов — «Книжный мир», 2014 — (Коллекция Изборского клуба)

Пожалуй, в рядах патриотов нет более яркого человека, более яркой личности, чем Александр Проханов. Знаменитый писатель, автор множества книг, лауреат престижных литературных премий, главный редактор самой популярной патриотической газеты, завсегдатай телевизионных подмостков и радиоэфиров, где он яростно и страстно отстаивает взгляды, совсем не популярные в этих аудиториях, и с блеском, с разгромным счетом неизменно одерживает победу. Потому что его поддерживает народ — тот, что за стенами теле- и радиостудий, тот, что так же, как и Проханов, по-прежнему тоскует по великой, огромной стране, в которой он еще совсем недавно жил. По той великой Красной Империи, как ее называет Проханов, что строила города и заводы, запускала в космос корабли и ракеты, где не было бомжей и гастарбайтеров, миллиардеров и олигархов, где человек труда был востребован и нужен. Да, там было немало трудностей и недостатков, но, несмотря на них, несмотря на дефицит югославских сапожек и баночного пива, колбасные электрички и прочее, у народа был смысл жизни. Смысл жизни, сегодня потерянный. Обрести его в новой реальности, возродить Государство, возродить Империю — вот за что сражается Проханов во всех этих бесконечных дебатах...

© Проханов А. А., 2014

© Книжный мир, 2014

Содержание

Александр Андреевич Проханов	5
Введение	8
2012 г	9
Победит тот, кто захватил время	9
«Крушение государственности в России означает катастрофу»	21
Оранжевая революция – революция роз или оторванных подметок?	33
Политковская -	44
«Сойдешь поневоле с ума...»	55
О новом правительстве и Уралвагонзаводе	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Проханов

Я русский солдат! Годы сражений

Александр Андреевич Проханов

Меня часто спрашивают, какой он? Что он за человек? И много лет это вопрос ставит меня в тупик. Как ответить на него? Кто он? Для меня это человек, который изменил мою жизнь. Изменил круто и навсегда. Человек, настолько необычный и не укладывающийся ни в какие клише и рамки, что, когда всего через три месяца совместной работы, мне пришлось выбирать судьбу – я оставил всё, и пошёл за ним.

Хотя, если быть точным, то не я выбирал, а он выбрал меня, пригласив работать в создаваемую им зимой девяностого газету «День». И я до сих пор не знаю, по каким, одному ему известным критериям он это сделал. Что такое разглядел во мне?

С тех пор прошло уже двадцать два года, и ни одной секунды я не жалел о сделанном тогда им выборе. Точнее – все эти годы я бесконечно благодарен ему за этот его выбор.

Писать о Проханове сложно.

Есть даже огромный роман, где скрупулезно, день за днём, факт за фактом, разобрана до винтика вся его жизнь. Обстоятельный и талантливый роман-исследование, но, закрыв его последнюю страницу, я вдруг понял, что так и не увидел в нём того Проханова, которого вижу каждый день. Это был рассказ слепца, самым тщательным образом изучившего до миллиметра на ощупь Сикстинскую капеллу...

Проханов невыразим словами. Любое его описание, любой рассказ о нём будут неполными, потому что уходя в детали, в суть, они тут же эту суть будут утрачивать. Так, срезая цветущую ветвь для изучения её жизни, мгновенно отбираешь у неё жизнь.

И только на языке образов, ускользающих метафор можно попытаться описать его.

Проханов – ронин. Ронин – самурай, потерявший господина, «блуждающая волна», странник. И, потеряв своего господина, оставшись после его смерти в живых, ронин теряет репутацию. Отныне его ничто не связывало с миром. Его путь – это путь уносимого ветром листа. Проханов – ронин Красной Империи СССР. И с её смертью его больше ничего не связывает с миром, а точнее – ничего не ОБЯЗЫВАЕТ никому.

Но, странным образом, приняв судьбу ронина, он стал Последним Солдатом Империи. И в этой своей судьбе приобрёл Непоколесимость Духа последнего солдата.

Нет более изысканного зрелища, чем наблюдать за телепоединками – современными вариантами старинных рыцарских ристалищ и гладиаторских боёв с его участием. На них Проханов просто в куски рвёт противников, испепеляет своей энергетикой, изламывает как солому и превращает в бессильных карликов. Кумиры публики и маститые политики, фехтовальщики слова и мастера полемики – перед Прохановым они все съёживаются и сохнут как листья перед пламенем.

...Я никогда не встречал людей, настолько безразлично относящихся к собственной репутации. Проханова ничуть не волновало, когда сразу после августа 1991 года, когда газета открыто выступила против Ельцина и его банды, телефоны редакции буквально разрывались от проклятий «патриотов России», клеймивших нас за то, что мы посмели выступить против «символа русского возрождения», САМОГО Бориса Николаевича Ельцина. Ему было это безразлично, и «газета Союза писателей СССР» вышла с подзаголовком «Газета духовной оппозиции». Как не задевали его проклятия после интервью с Березовским, Ходорковским или после беседы с Чубайсом. Помню, как перед публикацией интервью с Чубайсом я не выдержал

спросил его, не боится ли он, что мы как газета потеряем репутацию у наших читателей после такого интервью?

– Надо либо работать на репутацию и тогда бегать к батюшкам за благословлениями на каждый чих, либо жечь репутации и делать то, что тебе интересно и что ты считаешь важным и правильным. Нет ничего более бессмысленного, чем репутация... – ответил Проханов. Это не дословная цитата, но почти дословная...

Проханов бесконечен. В нём запечатан иссушающий зной Анголы и сводящая с ума духота никарагуанской сельвы, кампучийские рисовые поля и снега афганского Саланга, руины Грозного и радиоактивный жар Чернобыля, подземные ходы Газы и грозные башни Изборска.

И драма сегодняшней России в том, что она не способна вместить всего Проханова, как современные «токомаки» не могут удержать термоядерную плазму.

Поэтому Власть с таким опасением и страхом приближается к нему. Не имея возможности разделить его энергию, сепарировать его, усмирить и заключить в свои реакторы, она лишь пользуется его взрывной мощностью, направляя её на врагов России, испепеляя их.

Проханов – это ядерное оружие в великой войне Проектов и Смыслов, которая вот уже второе столетие идёт в России. Западнический, либеральный проект беспощадно сражается с Русским имперским проектом, русской Вселенной. И в этой войне сила Проханова равняется многим мегатоннам... Но у него есть ещё и литература, в мирах которой герои Проханова бредут, сжимая цевьё «калаша», сквозь дрожащие миражи Регистана, переплывают на мокоро через Окаванго, сражаются в болотах Риа Коко с «контрас», пикируют на дворец Дудаева... И в каждом из них – кусочек души самого Проханова, поэтому, подобный бодхисатве, он живёт одновременно в сотне миров и воплощений.

А ещё он живой человек. Мудрец, друг, рыцарь.

...Я не знаю другого такого человека, который столь спокойно и мудро принимал удары Судьбы и предательство друзей. Я помню, как осенью девяносто первого демонстративно вышел из редколлегии его друг, которого он очень любил, и который потом в своих статьях злословил и отрекался от дружбы, я помню обещание другого друга Проханова Александра Руцкого «дать срок» тому, кто написал «Слово к народу». Срок Проханову, автору этого взорвавшего общество текста. Меня тогда поразило, как спокойно, стойчески он отнёсся к этим известиям, словно яд предательства никак не зацепил его сердце. Потом я привык к этому его стоицизму, и стал учиться ему, открыв удивительный закон Духа – обида делает сильного слабым. Спокойствие сердца – даёт силу.

Спустя годы один из предавших, пряча глаза, пришёл просить прощения и возможности публиковаться, а другой превратился в политического карлика и растворился в неизвестности. И это тоже не вызвало в Проханове никаких эмоций, словно ещё двадцать лет назад он знал о том, как закончится их история.

Я был рядом с Прохановым в Чечне, Сербии и Приднестровье. Я был с ним на судах и на митингах. Проханов встретил меня на пороге больницы в октябре 1993 года, когда я был выписан после ранения. Приехал, несмотря на то, что сам тогда был в розыске и скрывался. Санкцию на его арест отменили только в ноябре...

Он бывает неправ, бывает вспыльчив и импульсивен, бывает прельщён и очарован, но он не бывает мелок, лжив и непорядочен.

К булату, из которого он выкован, грязь не липнет...

ШУРЫГИН

Владислав Владиславович

военный публицист,

*обозреватель газеты «Завтра»,
член редколлегии АПН. ру.
Постоянный член Изборского клуба.*

Введение

Зачем Проханов ходит на «Эхо Москвы»? Это же враги, агенты Госдепа. Зачем «Эхо Москвы» приглашает к себе Проханова? Он же сталинист, националист, имперец! Зачем «Эхо» предоставляет ему трибуну? Такие вопросы переполняют интернет, не дают покоя сторонникам ни левого, ни правого, ни либерального лагеря.

Действительно, зачем? Позиции главного редактора газеты «Завтра», певца великой Красной империи, патриота и государственника, вроде бы диаметрально противоположны позициям радиостанции «Эхо Москвы» – главного рупора нашей либеральной общественности.

Почему они сотрудничают, причем уже много лет?

«Я медийный персонаж. Я носитель представлений. И эти представления – они доносятся до публики. И я использую все каналы, через которые могу свое мировоззрение донести до публики. А «Эхо Москвы» – один из таких каналов», – отвечает Проханов. Тем более, что каналов, которые предоставили бы площадку красному патриоту, исповедующему левые взгляды, в стране, где практически всё медийное пространство занято представителями взглядов либеральных, совсем, совсем немного. Так что демонстрировать в таких условиях идеологическую целомудренность – значит уступать поле боя противнику. Проханов предпочитает другое. Он – солдат, воин, и он предпочитает сражаться, пусть и на чужом поле. Да, на чужом поле сражаться тяжело. Но надо! – убежден Александр Андреевич. Иначе в проигрыше останется страна.

А вот зачем это нужно его идеологическим противникам, тому же «Эху», – это вопрос. «Ну, вы же невероятно талантливый, парадоксальный, с вами разговаривают ваши политические оппоненты, потому что не могут отказать себе в удовольствии», – как-то сказала Проханову его визави А. Самсонова.

Но, думается, дело все же не в удовольствии. Дело в том, что любая передача с Прохановым – это зашкаливающий рейтинг! А высокий рейтинг – это большие рекламные деньги. Так что всё, как в том анекдоте: «Ежики кололись, плакали, но продолжали... есть кактус».

Пусть продолжают!

2012 г

Победит тот, кто захватил время

О. Журавлёва: – *Добрый вечер, это программа «Особое мнение», меня зовут Ольга Журавлева, наш гость – журналист Александр Проханов. Здравствуйте, Александр Андреевич.*

А. Проханов: – Добрый вечер.

О. Журавлёва: – *А вот и вопрос от Александра из Петрозаводска: «Я надеюсь, вы прочитали статью Путина «Россия сосредотачивается». Хотелось бы узнать ваше мнение о соглашении между Сергеем Удальцовым и Зюгановым, смогут ли левые консолидироваться перед президентскими выборами?» Ну вот, собственно, самые актуальные события последних дней. Вас просят прокомментировать. Давайте с Путина начнем. Читали статью?*

А. Проханов: – Давайте начнем с Путина.

О. Журавлёва: – *В общем, мы ждали программы. Программа там есть?*

А. Проханов: – Нет, тут нужна маленькая преамбула. Идет предвыборное время. Предвыборное время в любой стране, в любых условиях – это острейшая информационная война между претендентами на президентский пост. Оппоненты Путина высказываются радикально, иногда очень радикально, очень интенсивно. Ну, иногда более умеренно, но они высказываются. А Путин, в общем, практически молчит. Иногда он говорит, но то, что он говорит, его слова являются огромными ошибками психологическими, информационными, эстетическими. У меня такое ощущение, что начальник штаба Путина Говорухин заперся в своем кабинете штабом, курит свою любимую трубку, из-под щели дверной идет сладкий дым, оттуда раздается легкий звон бокалов, и он абсолютно не контролирует пиар-процедуры.

О. Журавлёва: – *Почему? Он сегодня буквально высказался, что Высоцкий поддержал бы и его, и Путина.*

А. Проханов: – Конечно. И Высоцкий бы, и Македонский поддержал бы. А, может быть, даже и, там не знаю, Киров Сергей Миронович. Но, скажем, ролик, который выпустил Путин и который прогремел там три дня, потом его смысл – он чудовищный. По-прежнему претендент в президенты целует животных там непрерывно. Это ошибка. Я думаю, что вот та программа, которую вывесили как эскиз программы Путина, от «Единой России» – это огромная ошибка. Я думаю, что, конечно же, и прямая линия, в которой я участвовал с Путиным, была ошибкой. Но на фоне всех этих ошибок необходимо сделать очень резкое, мощное информационное вбрасывание, которое было бы победным.

Вот эта статья появилась. Она вялая. Она не является сенсацией, она появилась в таком идеологическом отстойнике (пусть меня простят друзья из «Известий»), как газета «Известия». Это не то место, как, скажем, броненосец «Красный Октябрь», когда вышел товарищ Сталин и произнес свою речь предвоенную. Это место пустое, оно какое-то вялое, оно посыпано перхотью. Поэтому мне кажется, что в войне нервов, дизайнов, эстетики Путин проигрывает, и это очень опасно, потому что в информационных войнах важно время. Тот, кто захватил время, временной ресурс, тот победил. Опоздавший проигрывает – ему приходится перелопачивать гораздо больше.

О. Журавлёва: – Ну, вы уже в прошлой передаче говорили, что советская пропаганда всегда опаздывала на несколько дней и ее всегда побеждали.

А. Проханов: – Я думаю, что кремлевская пропаганда, и советская в том числе, проигрывали. Но статья Путина, повторяю, унылая, она не является интеллектуальным блеском. Там есть раздел, который меня зацепил. Это международный раздел. Там, где он достаточно, повторяю, вяло и скучно говорит о международных делах. Квинтэссенция такова: Путин говорит о том, что западная модель экономическая и философская конченые, они проиграли, что Америка... (это я не цитирую Путина)... Америка виновата в катастрофе экономической, идеологической, что Россия не должна копировать эту экономическую модель, и она, Россия, должна в условиях кризиса не экономики, а кризиса модели постараться выбраться и создать собственную экономическую модель. Я не цитирую. Но этот момент путинской речи показался мне очень важным.

То есть, если или когда Путин станет президентом страны, он не будет вклеиваться вот в этот американизм. В каком-то смысле эта статья является продолжением мюнхенской речи. Она, эта статья, думаю, через увеличительные стекла изучается в посольствах, изучается в Госдепе. И те, кто ее изучает, говорят: «Да, Путин – это не подарок для Запада и для Америки», Путин будет реализовывать другую, не госдеповскую позицию.

О. Журавлёва: – Я прошу прощения, Александр Андреевич, вы в этом видите, что Путин нашел некий новый ход и предлагает его нам?

А. Проханов: – Я вижу в этом то, что Путин, если он популист, он апеллирует к общественному антиамериканскому сознанию.

О. Журавлёва: – Ну, это хорошая карта, всегда работает.

А. Проханов: – Если он популист. Но если он был бы популист, он сделал бы ярче. Он сделал это уныло. Мне кажется, что он сам находится в растерянности. Он ждет волны экономического кризиса. Идет цунами. Идет цунами экономического кризиса. И как бы ни говорили, что у нас все прекрасно и восхитительно, Путин станет президентом (если он станет) в период, когда на Россию хлынет этот град, этот удар.

О. Журавлёва: – Он справится, как вам кажется?

А. Проханов: – Я думаю, что Саркози не справится. И Греция не справится. И Штаты не справятся. То есть они залезут еще больше в долги. Экономическая модель западная не справится. И крах экономической модели, которую предложили России после 1991 года, он будет здесь очень ощутим. И Путин заранее хочет сбросить с себя вину за то, что является адептом Чубайса, Кудрина и всей этой галиматии чудовищной либеральной. Но, повторяю, или это популизм, в чем я сомневаюсь, либо это готовность к удару. Если это так, то нас ждут очень интересные времена. Нас не ждут времена политических реформ, нас не ждут времена, когда мы будем дебатировать, избирать губернаторов или не избирать, будет ли у нас 12 миллионов партий или три правящие партии. Я думаю, что нас ждет мобилизационный проект. В условиях, когда нет ресурсов, когда все будет заваливаться, все будет крушиться, заниматься политическими реформами – это идиотизм и катастрофа.

О. Журавлёва: – Но Путин в той же статье говорит о том, что нужно все передавать регионам, нужно больше на индивидуальную инициативу ориентироваться, нужно прекратить этот патернализм.

А. Проханов: – Я отметил в статье вот этот момент – он мне показался интересным и важным.

О. Журавлёва: – Но с тем же успехом мог быть важным для него какой-то другой момент.

А. Проханов: – Для меня был важен этот момент.

О. Журавлёва: – Понятно.

А. Проханов: – Все остальные моменты были тривиальные, они были моментами посланий. Посланий и, может быть, это был отчасти реверанс в сторону агрессивных площадей наших, как был реверанс в момент награждения. Путин и компания наградили медалями, премией своих врагов. Это очень слабый ход. Понимаете, врагов нельзя купить медалями и конвертом с деньгами – врагов нужно уничтожать.

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, ну вы, в общем, резюмировали относительно статьи. Но все же ответьте на вопрос того же Александра из Петрозаводска: «Что вы думаете о соглашениях между Удалцовым и КПРФ? Смогут ли левые консолидироваться перед президентскими выборами?» Да и вообще много есть вопросов о том, как можно объединиться тем людям, которые считают, что Путин должен уйти? Как его пересилить? Есть какие-то перспективы в этой области?

А. Проханов: – Нет, просто в этом ансамбле людей, которые требуют ухода Путина, есть вещи несоединимые, несовместимые даже на тактическом уровне. Потому что есть, например, Прохоров, который является вариантом для меня гораздо более страшным и ужасным, чем Путин – человек, который создал свои миллиарды на костях гуглаговских людей в Норильске и миллиардер. Он не может возглавить национальное движение.

О. Журавлёва: – Зато воровать не будет. Зачем?

А. Проханов: – Он честно зарабатывал эти деньги, я понимаю.

О. Журавлёва: – Нет, ну больше не будет. Это нормальная русская народная мечта: придет богатырь и воровать больше не будет.

А. Проханов: – Но разве какой-то вор останавливается? Это же игра, это страсть, это патология, это такая сексопатология. Значит, повторяю: договориться всем не удастся. В каком-то моменте придется размежеваться. Для меня опасность в том, что вот этот интегральный процесс, процесс площади в конце концов обернется тем, что площадь обыграет трибуна, площадь обыграет Немцов, Рыжков, Шендерович, весь либеральный бомонд, Касьянов...

О. Журавлёва: – Площадь переиграет своих идеологов? Или наоборот?

А. Проханов: – Нет, идеологи переиграют толпу, как это было в 1991 году. И вот этот справедливый народный протест, направленный против чудовищной коррупции, против лени, против...

О. Журавлёва: – Да против нечестных выборов, например.

А. Проханов: – Нечестные выборы – это все х#рня, понимаете? Они не запустили развитие русское, они не отменили статью «Экстремизм», по которой русских людей сажают в тюрьму. Они не сделали ничего, для того чтобы представить Россию как гигантский, таинственный, мистический, великий континент. Они смотрят на страну как на фабрику – на фабрику углеводородов. И вот поэтому Кремль – он абсолютно неадекватен стране, которой он управляет.

О. Журавлёва: – Вот вы сейчас, когда говорите «Кремль», вы имеете в виду конкретных людей, которые там находятся?

А. Проханов: – Ну, я имею в виду Медведева, Путина, Шувалова, компанию...

О. Журавлёва: – И их друзей.

А. Проханов: – ...и весь либеральный шлейф этих людей.

О. Журавлёва: – А, может, это Кремль как-то, я не знаю... затуманивает им мозг?

А. Проханов: – Шлейф либерализма сидит и на Болотной, потому что люди, которые там танцуют свой политический канкан, тоже либералы. Они ведь ни слова не говорят о том, что народ вымирает, народ тоскует, народ потерял над собой небо. Они говорят только о чем? Честные выборы, перевыборы губернаторов или назначение, 175 партий или 4 микроскопические партии. Они говорят о чепухе.

О. Журавлёва: – А то, что одно от другого зависит?

А. Проханов: – Они говорят о политическом процессе, который начал Горбачев, вместо того, чтобы заниматься развитием. Он начал политический процесс.

О. Журавлёва: – А нельзя заниматься развитием, если нет четко организованной системы и правил игры?

А. Проханов: – Вот Горбачев и сделал это. Он перестал заниматься развитием, которого требовала страна, он стал заниматься политическим реформированием. Кончилась цивилизация советская. Эти занимаются ровно тем же. Они не компетентны в развитии, они не понимают, что развитие – это не просто строительство заводов или нанотехнологических центров. Развитие – это возвращение русскому сознанию его мессианского смысла. Россия – это не корпорация, Россия – это не публика, это не электорат. Россия – это гигантская, таинственная для нынешних кремлевских людей цивилизация. И они выходят на форум, на предвыборную кампанию – Путин это или Немцов, или Миронов, – они выходят с плоским представлением о стране. А страна не просто трехмерная, она тысячемерная. Вот что страшно. И я боюсь, что опять народ, который инстинктивно чувствует, что его обобрали исторически, что у него отняли историческую миссию, он опять пойдет за Ксенией Собчак и за Шендеровичем. Это ужасно.

О. Журавлёва: – Но получается, что в одну сторону идут Ксения Собчак и Шендерович, в другую сторону идут Путин, Медведев, я не знаю там, Шувалов или еще кто-то, а страна идет в третью.

А. Проханов: – Они идут в одну сторону, потому что они – порождение путинизма, потому что путинизм – порождение ельцинизма. Ну, посмотрите, что такое Ксения Собчак?

О. Журавлёва: – Ну понятно, что товарищ Сталин был лучше всех...

А. Проханов: – Нет, почему-почему? Навуходоносор был лучше всех. Вы же его поклонница. Понимаете?

О. Журавлёва: – Да, я – поклонница Навуходоносора, да.

А. Проханов: – Хамураби...

О. Журавлёва: – Разумеется.

А. Проханов: – Верный вывод из моих слов, я думаю.

О. Журавлёва: – Давайте вернемся к самому понятию Кремля. Когда мы говорим: «Кремль, Кремль, он там мистического чего-то не видит», – а некоторые считают, что как

раз в Кремле вся мистика-то и содержится, что когда люди туда попадают, что бы они ни хотели, какими бы они там либералами, демократами, коммунистами туда ни вошли, на выходе все равно получается государь-батюшка.

А. Проханов: – Ну да. Вот, например, один парень влез в Кремль, его звали Лжедмитрий. Он там немножко посидел, а его потом зарядили в Царь-пушку и выстрелили в сторону Москва-реки. Не всяк попадающий в Кремль становится мистиком.

Кстати, Зиновьев, когда пришли красные в Кремль (это мой дед говорил, царство ему небесное), они устраивали там оргии в теремных палатах на царских постелях.

О. Журавлёва: – *Чтобы десакрализировать пространство.*

А. Проханов: – Чтобы десакрализировать... Нет, чтобы изнасиловать своих врагов морально. Уже враги были в Ганиной яме, а они еще трахались с какими-то проститутками там своими на царских постелях. Поэтому очень важно, конечно, оскорбить, осквернить и уничтожить эту святыню. И, кстати, я слушал, это у вас же говорил Леонид Радзиховский о том, что пора десакрализировать Кремль. Это гениальная мысль. И вообще Радзиховский – он, в общем, гений вот этих комбинаций интеллектуальных. Он до этого говорил, что, например, пора вырвать из русского сознания ощущение осажденной крепости, пора прекратить оборонное сознание России, потому что никто на Россию не нападает.

Я вот говорил (я только что был в Секторе Газа), я думаю, что Израиль – это осажденная крепость. Что сознание израильтян – оно абсолютно оборонное, оно зиждется на...

О. Журавлёва: – *Ну, у них есть на это причины.*

А. Проханов: – ...на обороне своего проекта. Более того, сознание евреев мессианское. Да и сам проект Израиль – это мессианский проект, это реставрация идеи земли обетованной. И только одному народу отказывают в мессианском сознании – России. У России нет врагов.

О. Журавлёва: – *А что, а Швейцария – тоже мессианская, оборонная и все остальное? Америка?*

А. Проханов: – Нет, Швейцария – нет. А, вот еще Кантон швейцарский. Он небольшой, правда, его можно на велосипеде проехать за 4 минуты. У него тоже нет оборонного сознания. А у Америки мощнейшее оборонно-агрессивное сознание, это сознание авианосцев и боевых космических группировок. Отнять у России оборонное сознание, выгнать из Кремля политику, еще лучше срезать надгробие в Архангельском соборе... Ну, конечно, надо изгнать...

О. Журавлёва: – *Вот мне интересно, как вы всегда выстраиваете в одну линию что государя-императора, что товарища Сталина. Они у вас тоже между собой не враги, они представляют одну линию...*

А. Проханов: – Да, конечно.

О. Журавлёва: – *...Они друг друга убивают, но все равно будет то же самое.*

А. Проханов: – Ну, потому что Сталин был красным монархом. Конечно, он был красным монархом, он вернул...

О. Журавлёва: – *Ну, вы вообще монархист – все равно, что бы с вами ни делали.*

А. Проханов: – Я, может быть, монархист. А, может, я просто великих князей очень люблю, таких как Иван III и Филофей, который был при Василии III. Я за сильное русское государство, я за сильную империю. А когда мне предлагают десакрализировать остатки Российской империи, чтобы изгнать из народного сознания коды и их представления о себе самом

как о народе неба, о народе с огромной задачей исторической, в которую вклеиваются поколения, мне это кажется омерзительной идеологической диверсией.

О. Журавлёва: – *Хорошо. Александр Андреевич, а в сознание этого таинственного мистического народа входит обожание власти? Должна власть быть священна?*

А. Проханов: – Я думаю, что в отношении к власти у русского народа есть прекрасные свои рецепты. Я думаю, что Пугачев был, по существу, абсолютным русским государственным. Как и Ленин, например. Я думаю, что отношение к власти и отношение к Кремлю – это разные вещи. Скажем, например, в Кремль приехал бы генерал Мантейфель, который, допустим, прорвал оборону кремлевских курсантов и вошел в Москву, и перед тем, как затопить ее и поставить памятник нацистам, вошел в Кремль. Вы что думаете, для меня это была бы священная власть? Я поэтому и удивляюсь тем православным священникам, которые кадили Гитлеру. Я не понимаю, почему православные люди, православные церковники, в глубине своей русские патриоты и монархисты, потому что Православная церковь – монархическая, как они могли найти в себе вот эту как бы смелость и дерзость дьявольскую петь осанну гитлеризму? Этого вот я не понимаю.

Поэтому власть власти – рознь. Горбачев – бес, сатана. Сталин, который восстановил государство и выиграл войну, – он уничтожил сатану. И поэтому вы, как бы, антисталинистка, бойтесь, посмотрите, нет ли у вас хвоста в чешуе.

О. Журавлёва: – *Хорошо. «Как соотносится уничтожение врага с христианской моралью Проханова? Возлюби врага своего», – напоминает Дмитрий из Петербурга. А я хотела про другое спросить, как раз про политическую жизнь православия в данный момент. Вот на предложение наблюдателями выступить – нельзя без благословения выступать наблюдателями православным. Не входит в пасторский функционал, – объяснила православная церковь наблюдения на выборах. Ну ладно, это бог с ним. Создание православной партии. Вы бы проголосовали за такую, вступили бы в такую партию?*

А. Проханов: – Нет, я бы не вступил в такую партию.

О. Журавлёва: – *Почему?*

А. Проханов: – Несколько позднее. Напомните, чтобы я не сбился опять на сталинизм.

О. Журавлёва: – *Хорошо. Давайте.*

А. Проханов: – Вот, мне показалось очень важным рождественское обращение патриарха. И я знаю, что в прессе и на «Эхо» все время дискутировали: кому сделал реверанс патриарх: площади или Кремлю? Поддержал ли он Путина или его осудил тайно, поддержал он площадь или погрозил пальцем? Я когда один раз услышал, а потом прочитал это послание, у меня возникла, знаете, какая мысль? Что патриарх, чувствуя, как на глазах проседает и разрушается власть, система, как разрушается государственная машина... Причем она разрушается не благодаря площади, она разрушается сама по себе в силу своей немощи, дряхлости и коррозии. Он ждет русской катастрофы. И он является представителем единственного института общественного – церкви, которая на фоне всех этих деструкций не разрушается, а, наоборот, укрепляется. И я не исключаю, что у патриарха может возникнуть роль Гермогена, и что патриарх со своим авторитетом, силой, со своими структурами региональными церковными, он может подхватить эту падающую русскую власть. И мне это воззвание патриарха показалось очень важным.

А предложение господина Чаплина создать православную партию мне кажется катастрофическим. Потому что я представляю: от лица православной партии выступает Иисус Христос, говорит, что он уполномочен на съезде православной партии.

О. Журавлёва: – *Духовный лидер партии это называется.*

А. Проханов: – Духовный лидер партии. Но сразу после этого возникнет мусульманская партия, я просто убежден.

О. Журавлёва: – *Ну, как только православные отписались насчет наблюдений на выборах, тут же...*

А. Проханов: – Она возникнет, мусульманская партия Кавказа, Чечни...

О. Журавлёва: – *...представители мусульманского духовенства тоже высказались.*

А. Проханов: – ...Татарстана, Башкирии, партия якутов, национальная партия якутов, еврейская партия должна возникнуть. Я думаю, что Еврейский конгресс...

О. Журавлёва: – *Иудейская, вы имеете в виду? Вы по вере разделяете или по?..*

А. Проханов: – Иудейский. Я думаю, что Еврейский конгресс мгновенно будет трансформирован в иудейскую партию и, так сказать, путиконечная звезда будет соперничать с шести-конечной звездой Давида. Это конец стране, это будет свара, это будет бойня.

О. Журавлёва: – *А если будет одно православие, главенствующее в стране, стране будет лучше?*

А. Проханов: – Если будет одно православие?

О. Журавлёва: – *Если мусульманство и иудаизм официально запретить, всех этих тибетцев, всех прочих лам?*

А. Проханов: – Ну тогда надо... Если это сделать... Это возможно. Но тогда нужно пустить на полную мощность оборонные заводы, которые сейчас не выпускают ни танки, ни БМП, ни БТРы.

О. Журавлёва: – *Ну, хотя бы саперные лопатки выпустить в нужном количестве.*

А. Проханов: Нет, ну этого будет недостаточно. Против мусульман, Чечни, например, саперные лопатки не пойдут.

О. Журавлёва: – *А вообще возможна империя с абсолютно главенствующей религией? Можно подавить остальные?*

А. Проханов: – Можно подавить остальные в период, когда эта религия мощная, когда она подкрепляется тем, что православные женщины девять детей рожают. Это можно делать. Сейчас другая ситуация, и империя, которой является Россия (она – империя, она никакое не национальное государство), она требует другого подхода ко всему этому. Национальная политика должна быть связана не с тем, чтобы подавлять национальные меньшинства, которые перестают быть меньшинствами, а с тем, чтобы навьючить на них имперскую задачу, показать им, что они являются равноправными...

О. Журавлёва: – *Навьючить, но не подавлять. Хорошо. Запомните эту мысль. Александр Андреевич, тут вам пришло прекрасное совершенно письмо от Ванессы. Ванесса-86 пишет: «Я внимательно просмотрела четыре ваших последних эфира в программе «Особое мнение». Вот сухая статистика. 17 раз вы делали мягкие рекомендации Владимиру Путину, 14 раз сожалели о том, что Путин игнорирует ваши советы, 11 раз выражали надежду на то, что Путин, наконец-то, прислушается к вашим рекомендациям. Как профессиональный*

психолог прихожу к выводу, что ваша хрустальная мечта – стать придворным идеологом при Путине». Вы бы хотели быть придворным идеологом?

А. Проханов: – Угадали-угадали. Это моя параноидальная мечта.

О. Журавлёва: – Хрустальная.

А. Проханов: – Хрустальная параноидальная мечта.

О. Журавлёва: – Хорошо. Так?

А. Проханов: – Я все время рвался сквозь Спасские ворота. Видимо, это были не те ворота.

О. Журавлёва: – Так это были вы?

А. Проханов: – Это были мы, да. Это были мы с вами, да. Я вас пускал вперед. И, конечно, я мечтал бы, чтобы господин Путин встретился не с Быковым и с Акуниным, которые являются врагами.

О. Журавлёва: – Ну почему же они враги-то?

А. Проханов: – Они – его убийцы, они требуют его отставки. Отставка Путина – это его физическая смерть.

О. Журавлёва: – То есть вам его жаль просто как человека, пусть себе в Кремле до морковкина загiveness?

А. Проханов: Мне не жаль ни вас, ни Путина, ни себя. Я говорю о том, что Путин идет на встречу со своими лютыми врагами и тем самым демонстрирует слабость. Он не встречался за все это время ни разу с национальнопатриотическими, с лево-патриотическими кругами, которые являются....

О. Журавлёва: – А вы ходили к нему на прямую линию, вас пустили.

А. Проханов: – ...которые являются потенциально его союзниками. Если бы он прислушался к тому, что гудит вот в этой среде – а в ней гудит развитие, выправление государства, создание сильной национальной России, – если он бы прислушался, это было бы ему полезно. Ему были бы обеспечены поддержки.

Но он идет к своим врагам, которые, повторяю, хохочут ему в лицо, они не приходят, они игнорируют встречи, а потом делают его просто какой-то дитошкой. Поэтому, повторяю, мне бы хотелось, чтобы Путин, а также Горбачев, а также Иван IV прислушались к рекомендации, которая живет в глубине народа. Потому что народ, насколько я его слышу (у меня может быть абберрация слуха), он, конечно, хочет хорошей жизни, ему осточертела паленая водка, ему осточертели бандиты.

О. Журавлёва: – Так им хочется империи или хорошей жизни?

А. Проханов: – Он хочет одной колбасы, большой, огромной, гигантской колбасы, на которую великий народ-победитель 1945 года набрасывается.

О. Журавлёва: – Ну, вы же прекрасно знаете, Александр Андреевич, что строительства империи не бывает при хорошей жизни.

А. Проханов: – Что вы говорите? А американский народ, народ империи?

О. Журавлёва: – Но начинали-то они тяжеловато.

А. Проханов: – Как?..

О. Журавлёва: – У них война была гражданская, вы знаете?

А. Проханов: – Ах ты, Боже ты мой! Я говорю про сегодня. Они не были империей. Я говорю, что народ хочет, чтобы его считали народом, а не жвачкой, не желудком. А русский народ – это народ, который живет категориями великой культуры. Ведь, смотрите, сегодняшняя власть абсолютно не оперирует культурой. И либералы тоже не оперируют ей. Фондовые рынки, зарплаты, перевыборы, политическая реформа... А где Серебряный век? А где непрерывный псалом?

О. Журавлёва: – Шевчук – наш Серебряный век.

А. Проханов: – А где непрерывный псалом, который поет русская культура о себе самой?

О. Журавлёва: – Но представители культуры входят в Лигу избирателей.

А. Проханов: – Да, и они говорят только о подсчете голосов.

О. Журавлёва: – А о чем они должны говорить?

А. Проханов: – О чем должна культура говорить? Культура должна говорить о валютных курсах, она должна говорить о ценах на нефть, о рынках, о валютах.

О. Журавлёва: – Но о чем Путину должен сказать ваш метафизический поэт?

А. Проханов: – О чем говорил Достоевский Александру? Он учил царя быть духовным русским лидером. Зачем Пушкин все время пытался донести свою идеологию Николаю?

О. Журавлёва: – А что, наш лидер не справится без советов? Он их будет слушать-то? Чьих советов он послушает? Ваших? Вон, смотрите, сколько раз не послушался.

А. Проханов: – А как знать? Все его послания, его и медведевские – все они основаны на философии газеты «Завтра», они выбирают эти тезисы, для того чтобы еще раз обмануть в очередной раз народ, сказать: «вот мы такие».

О. Журавлёва: – Вы знаете, есть одна проблема. Так как Путин, судя по всему, очень хочет вернуться туда, куда он собирается...

А. Проханов: – Ну, вернется, наверное, да.

О. Журавлёва: – Да. Не хочет оттуда уходить. Вы говорите, что это вообще угрожает его жизни. Но когда вы говорите про вот этот народ, про империю, про возврат туда и обратно, и отказ от либерализма, его же никто за порог не пустит. Весь остальной мир будет для него закрыт. Если он сейчас начнет давить на ноту национализма, православия, самодержавия и тому подобного...

А. Проханов: – Поедет прекрасно в Китай. В Пекин.

О. Журавлёва: – А деньги-то где лежат, Александр Андреевич? В Китае?

А. Проханов: – Надо срочно перегонять эти деньги.

О. Журавлёва: – Переводите деньги в Архангельск.

А. Проханов: – В Архангельск, совершенно верно. Уралвагонзавод.

О. Журавлёва: – Вот. Уралвагонзавод, кстати, лучшие всего.

А. Проханов: – В космические центры. Все наворованные деньги должны быть возвращены народу и пущены на развитие.

О. Журавлёва: – Но вы же понимаете, что это невозможно?

А. Проханов: – А вы понимаете, что невозможно, чтобы Быков пришел к Путину, захватив Ефремова, и они сидели два часа, и они читали «Юрий Гагарин с маленькой буквы», написанной справа налево? Понимаете, что это невозможно?

О. Журавлёва: – Почему?

А. Проханов: – Почему? Ну, потому что тогда в Кремль будут плевать. Просто будут харкать, потому что это будет проявление такой слабости и мерзости.

О. Журавлёва: – Хорошо. Кто должен прийти и научить Путина, как правильно? Что воровать нехорошо, дух прежде тела и империя forever? Вот, кто?

А. Проханов: – Я вижу, как в Кремль поздно вечером врывается Мерседес, в котором сидит патриарх и его охрана.

О. Журавлёва: – То есть Березовский правильное письмо написал? Прежде чем написать Путину, он сначала написал патриарху.

А. Проханов: – Ну, Березовский – умница. И я думаю, что патриарх является во многом гарантом сегодняшней русской государственности, и он должен сказать сегодняшней власти «Кончай воровать, занимайся народом, выстраивай новую Россию».

О. Журавлёва: – А почему нельзя сказать «Давайте придет кто-нибудь другой»? И патриарх под своим чутким руководством скажет: «Вот, с ним хорошо».

А. Проханов: – Можно и так. Да я ж не против. Я, например, даже готов посадить Немцова в Кремль, чтобы к Немцову приехал патриарх и сказал: «Ефимыч, слушай, давай, слушай, построим новую великую империю, великую русскую империю?»

О. Журавлёва: – А Путин на это пойдет, а Немцов нет.

А. Проханов: – А Немцов пойдет, потому что он готов. Он просто всем прошлым опытом своей сочинской деятельности...

О. Журавлёва: – А путинский прошлый опыт вас учит тому, что патриарх для него главный человек?

А. Проханов: – А путинский прошлый опыт меня не учит ничему хорошему, кроме того, что он сумел ельцинскую слизь, вот эту ельцинскую мерзоту...

О. Журавлёва: – Которая его вывела.

А. Проханов: – Ельцинскую слизь и ельцинскую мерзоту превратить в кристалл государственности. Вот этим он хорош, понимаешь?

О. Журавлёва: – А почему народ как-то не ценит вот этого кристалла? Говорит, что «чего-то все равно воруют, чего-то все равно как-то заводы не открывают, все равно все так же».

А. Проханов: – Ну, я считаю, что народ, конечно, он за Рыжкова, Немцова, Касьянова, за Прохорова. Я даже думаю, что народ весь за Прохорова. Потому что Прохоров...

О. Журавлёва: – Да никто ни за кого, Александр Андреевич. Все просто говорят, что невозможно 12 лет сидеть в одном и том же месте, и никакого результата.

А. Проханов: – Вы спрашиваете, кто бы мог воздействовать на Путина. На Путина могут воздействовать две силы: площадь...

О. Журавлёва: – То есть одна воздействует?

А. Проханов: – ...площадь, которая перепрыгнет эту трибуну с танцующими кокотками, и патриарх. Вот эти две силы, то есть церковь православная и народ, который сидит на площади, который вовсе не является народом в норках. Это патриотический угрюмый...

О. Журавлёва: – Вы призываете на митинг сейчас?

А. Проханов: – Нет, я призываю вас прислушаться к голосу разума и понять, что...

О. Журавлёва: – Ну, то есть просто выйти на митинг? Вот вы сейчас говорите «Если выйти на митинг...». Бог с ними, с трибунами, половина, там не знаю, 2/3 митинга приходит не для тех, кто там на трибуне стоит, они приходят для себя самих.

А. Проханов: – Вы слышите, о чем я говорю-то, сударыня?

О. Журавлёва: – Какой лозунг вы им предлагаете на этом митинге?..

А. Проханов: – Вы слышите, о чем я говорю?

О. Журавлёва: – ...Что нужно сказать Путину?

А. Проханов: – Вы слышите, о чем я говорю? Голос митинга – это голос трибуны.

О. Журавлёва: – Да неправда, Александр Андреевич.

А. Проханов: – Да?

О. Журавлёва: – Вы говорите про народ: народ должен выйти на улицу. Что он должен сказать власти? Что он должен сказать Путину, чтобы тот исправился?

А. Проханов: – Голос двух площадей – это голос Собчак, это голос Прохорова, это голос... (не делайте рожу)...голос Кудрина. Народ должен перепрыгнуть этот канкан и сказать Путину: «Кончай валять дурака. Деньги – в развитие...»

О. Журавлёва: – На бочку?

А. Проханов: – «...Деньги – в развитие». Не на бочку, а на зеленый стандартный стол.

«Деньги – в развитие. Меняй команду, создавай новую элиту из технократов, из священников, из русских патриотических художников, из учителей. Кончай ориентироваться на деструкцию, кончай бояться за свою шкуру, совершай гигантскую революцию, преобразование».

О. Журавлёва: – Почему вы думаете, что это кому-то поможет, если человек за столько лет не смог изменить себя? Почему вот именно этот человек, благодаря вот этим требованиям вдруг изменится? Почему?

А. Проханов: – Если не изменится, то хана. И ему хана, и хана сегодняшнему политическому периоду. Важно не допустить в Спасские ворота всю эту колымагу с чертями 90-х годов, которые воскресли...

О. Журавлёва: – Миронов, Зюганов – вот эти люди, да?

А. Проханов: – Эти люди вне игры, они выжидают.

О. Журавлёва: – Да? Почему?

А. Проханов: – Пойдите, спросите.

О. Журавлёва: – *А вот когда Миронов предложил: «Давайте, я – президент переходного периода, все наладим, и потом выбирайте, кого хотите»?*

А. Проханов: – Ну, это бутафория. Эти люди вне игры. Пока что сильными атакующими Кремль людьми являются те, с кем он сейчас хочет общаться. И по существу, придя в Кремль, они уже оттуда больше не выйдут. И это была бы катастрофа, потому что, повторяю, люди 90-х годов реставрированы сейчас, они вылезли, они танцуют свой победный ритуальный танец. И власть, как и та, Кремлевская власть 1991-го и 1990-го года – она труслива, она беспомощна, она неактивна. И, по существу, те слои, которые могли бы поддержать падающую башню русской государственности, игнорируются этой трусливой властью.

О. Журавлёва: – *Трусливая нехорошая власть, но другой у нас нет и не будет. Правильно?*

А. Проханов: – Какая... Чего-то я ничего не расслышал. Чего-то вы пробормотали там...

О. Журавлёва: – *Хорошо. Это особое мнение Александра Проханова. В следующий раз, может быть, он сформулирует как-то по-другому, но основные мысли, я думаю, сохранит и донесет до вас неизменными.*

18.01.12.

«Крушение государственности в России означает катастрофу»

О. Бычкова: – Александр Андреевич, добрый вечер.

Правда ли, что вы идете на митинг тоже в субботу на Поклонную гору, как сообщается?

А. Проханов: – Ну, вот я, наконец, принял решение. Я колебался долгое время и принял это решение.

О. Бычкова: – А зачем вам туда?

А. Проханов: – Зачем туда, а не в другое место?

О. Бычкова: – Вообще. Вы когда были на митинге последний раз?

А. Проханов: – Последний раз я был на митингах... О, я много раз был на митингах. Первый раз я был на митинге незадолго до крушения советской власти – это была огромная, холодная, туманная Манежная площадь, она была вся до краев набита сторонниками власти советской, и на этом митинге я выступал.

О. Бычкова: – Власти? Советской власти?

А. Проханов: – Я выступал в защиту. Я как сталинист выступал...

О. Бычкова: – На Манежной площади?

А. Проханов: – На Манежной площади. Это была огромная, повторяю, какая-то туманная площадь с таким голубовато-белым манежем. И, по-моему, Михаил Ножкин вышел на эту площадь, посмотрел на нее и сказал: «Здарова, мужики!». И вся площадь грохнула: «Здарова!»

О. Бычкова: – Ну, это был, например, 1989-й год, допустим, или 1988-й?

А. Проханов: – Ну, наверное, где-то в этом роде, да.

О. Бычкова: – Вот это был последний случай... Так, а сейчас-то зачем?

А. Проханов: – Нет, это был первый случай.

О. Бычкова: – Это был первый?

А. Проханов: – Потом у меня было долгое хождение по митингам, связанных с Домом Советов, с Белым домом, я выступал незадолго до расстрела, я выступал на митингах с трибуны Дома Советов. И вообще я был очень митингообразующим человеком и привел туда своих сторонников. Я ходил на коммунистические митинги в ту пору, когда был альянс коммунистов и патриотов, Народно-патриотический союз России. В общем, я знаю, что такое митинг, и умею выступать на них.

О. Бычкова: – Но в это воскресенье просто вся Москва будет в митингах, и вся Москва обещает прийти в движение. В субботу, извините.

А. Проханов: – Она уже пришла в движение, невралгия огромная, все немножко сошли с ума...

О. Бычкова: – Так вы тоже сошли с ума немножко?

А. Проханов: – Ну, как и вы тоже. Ну, вот, посмотрите на свои зрачки – они расширены, и вы уже не моргаете четыре минуты, в эфире находясь. Так что мы сегодня с вами ведём сумасшедший эфир.

О. Бычкова: – *Ну так это плохо, что ли, что всё пришло в движение и все немножко сошли с ума?*

А. Проханов: – Да нет, если это связано с Масленицей, например, и люди кидают снежками в крепости, целуют румяных баб.

О. Бычкова: – *Нет, Александр Андреевич. Мы же прекрасно понимаем, что происходит что-то такое важное на самом деле сейчас опять.*

А. Проханов: – Происходит революция. Происходит оранжевая революция. Меня все время спрашивают: «Как вы считаете, существуют ли симптомы возникновения в России оранжевой революции?» Я отвечаю: «Господа, оранжевая революция началась. Она проходит этап за этапом, она наращивает свой алгоритм, она, по существу, захватывает в себя все большие и большие объемы населения. Этот магнетизм, этот вал, эта гравитация так велика, что она уже не может стоять на месте, она движется. Эти стоячие митинги на Болотной и Проспекте Сахарова превратились в динамичный митинг. А динамика толпы, кинетика ее отличается от статики. И это тоже одна из фаз оранжевой революции. Поэтому на дворе – революция».

О. Бычкова: – *Ну и вы тоже, значит, подключились к оранжевой революции.*

А. Проханов: – Я подключился к контр-оранжевой революции.

О. Бычкова: – *То есть вы за Путина, за Чурова и против честных выборов?*

А. Проханов: Я не за Чурова, не за Путина, я против чертей и бесов 90-х, которые возглавляют весь ансамбль оранжевой революции. Я против тех, кто терзали мою страну на протяжении 80-х годов, потом 90-х годов, потом усилиями, гигантскими усилиями власти были отодвинуты на задний план, теперь вышли опять и танцуют свой чудовищный канкан. Я против них.

О. Бычкова: – *То есть вы хотите, чтобы свой чудовищный канкан танцевала по-прежнему «Единая Россия»?*

А. Проханов: – Этого хотите вы.

О. Бычкова: – *Нет, что вы! Я вас только спрашиваю.*

А. Проханов: – Я иду для того, чтобы в очередной раз броситься под этот танк. Один раз этот танк переехал мою страну в 80-х годах. И тогда огромное количество людей (в том числе и благородных)...

О. Бычкова: – *Вы чего боитесь вот сейчас, скажите?*

А. Проханов: – Я боюсь крушения государства. Я боюсь крушения государства, потому что моя философия, моя религия – это государство. Государственная идея для меня, как и для очень большого количества людей, является феноменологической сущностью мышления, переживания. И человек, который знает, что такое русская история, он видит: опять начинается крушение этого хрупкого, робкого, во многом прогнившего, не способного, не дееспособного государства. Но с крушением этого государства наступит нечто чудовищное, не менее чудовищное, а, может, более чудовищное, чем в феврале 1917 года.

О. Бычкова: – А почему, собственно, речь идет о том, чтобы сокрушить государство? Разве кто-то это предлагает сейчас? Где вообще? Вот откуда это известно?

А. Проханов: – А кто предлагал в феврале 1917-го сокрушить государство?

О. Бычкова: – Смотрите, какая у нас классная картинка.

А. Проханов: – А что там?

О. Бычкова: – У нас какой-то технический сбой произошел с кардиограммой (смеется).

А. Проханов: – Это оранжевый цвет. А вы знаете, какой это цвет? Оранжевый цвет ведь...

О. Бычкова: – Наши зрители могут это видеть, зрители RTVi и «Эха Москвы». Я не знаю, что на сайте, но прямо в тот момент, когда Александр Проханов заговорил на эту тему, у него на фоне появился большой оранжевый флаг. Это неспроста.

А. Проханов: – Нет, чтобы там на фоне засверкал, зазвенел, запылал имперский флаг трехцветный. Нет, оранжевый.

О. Бычкова: – А вот и нет, а вот и нет. Ну? Может быть, это ваши тайные мысли просто там просочились так.

А. Проханов: – Может быть, да. Это новый какой-то Сетевизор...

О. Бычкова: – Так какие признаки того, что кто-то хочет сокрушить государство? Вот, я не слышала ни разу, например, об этом никакой речи.

А. Проханов: – Я тоже ни разу не слышал. Например, «вынесем Путина из Кремля, сметем Путина из Кремля». Это, конечно, не признаки сокрушения государства. Это просто легкий флирт. А когда толпа в 30 тысяч начинает это скандировать...

О. Бычкова: – Это, извините, Геннадий Андреевич Зюганов у нас говорит, который выступает против Путина на президентских выборах? А если не говорит, то подразумевает, да?

А. Проханов: – Я знаю этот лозунг. Оля, вы хотите меня убедить, что все мирно. Вы мое мировоззрение, мироощущение не измените. Я делюсь своим мироощущением, и мое мироощущение есть сущность моей судьбы.

О. Бычкова: – И вам страшно, я понимаю... А вот Кощей вас спрашивает: «А что, Путин эквивалентен государству? Неужели оно у нас такое мелкое?» Продолжите ваши рассуждения, пожалуйста.

А. Проханов: – Вот смотрите, я принадлежу к такому обильному многочисленному и в прошлом богатому роду. В моем роду были промышленники, предприниматели, мои бабки оканчивали бестужевские курсы, занимались раскопками в Помпее.

О. Бычкова: – И мои.

А. Проханов: – И ваши тоже. И я знаю, что большая часть моих предков с восторгом восприняла февральскую революцию. Может быть, даже с красными бантами ходили на демонстрации, и один из моих дальних предков, дедов, он пробился все-таки к трибуне, вышел на нее и так разволновался, что даже не мог ничего сказать, сказал лишь: «Наш путь, господа, усеян, господа, розами, господа», после чего его стащили с трибуны. И после этой февральской революции случилось такое, что от моего рода ничего не осталось. Весь мой род канул на войнах, на Гражданской и на Отечественной, погиб на пересылках, ушел в эмиграцию, люди сходили с ума. И оставшийся в живых мой дед двоюродный говорил мне: «Ты знаешь, я был

знаком с Гучковым. И если бы я знал, что этот мерзавец поедет просить отречения у царя, я бы застрелил его из пистолета. У меня лежал пистолет в ящике стола». Значит, они кусали локти после того, как свершилось это чудовищное дело после февральской революции.

Мои друзья, генералы оборонной промышленности (а я был связан очень тесно с советской обороной), они изнывали от тупости управления экономикой той поры. И они пошли в Перестройку. Я знаю благородных людей – они поставили крест на этой управленческой девятке оборонной, они хотели хозрасчета, они пошли за горбачевской трубой. Вот сейчас я с ними встречаюсь, когда у них нет оборонки, когда кончилась промышленность, когда больше не летают серьезные ракеты в космос, когда их выкинули, когда разрушены школы. Они кусают себе локти.

Вот сейчас та же ситуация. Многие люди относятся с отвращением к Кремлю. И к нашей власти кремлевской я сам испытываю презрение за многие вещи, потому что она, эта власть, воровата, она, эта власть, не запустила развитие долгожданное, она, эта власть... У нее нет интеллекта, она живет спинным мозгом. Я к ней испытываю презрение. Но к этим чертям 90-х я испытываю отвращение, потому из этих двух зол я выбираю хрупкое, робкое, продажное, но государство.

Потому что я убежден, что оранжевая революция идет своими этапами, она наращивает свои требования, она наращивает свою мощь, у нее блестящие технологии.

Посмотрите, каждый там день вбрасываются новые технологии. Чего стоит последняя технология автопробега по Садовому кольцу! Там все время крутятся интереснейшие мозги и идеи. А власть молчит.

О. Бычкова: – *А почему так получается, что там крутятся мозги и идеи, то есть они там есть, там есть чему крутиться, а власть, вы сами сказали, она безыдейная и безмозгая?*

А. Проханов: – Вот в этом трагедия русского централизма. Это трагедия и царского централизма, и, может быть, великокняжеского централизма, после чего кончилось царство и началось Смутное время. Это трагедия. Но это данность русской истории. Но я всегда и в древние времена, когда я был или если бы я там был, я был на стороне власти, потому что лишение власти, разрушение власти – это гигантская трагедия. Она и геополитическая, и личностная. И поэтому я представляю... Я боюсь, что Путина сметут. Я боюсь, потому что эти лозунги – «Вынесем Путина из Кремля!» – находят поддержку американцев. Путина люто ненавидит Америка. Посмотрите, что там на него льется, какой кошмар. То есть даже за одну ненависть Америки к Путину я бы его полюбил, если бы я был любвеобильным человеком.

О. Бычкова: – *Какое нам дело, как его ненавидит Америка, если мы имеем у себя дома вот то, что мы имеем, и нам есть, за что не любить это все?*

А. Проханов: – Ну, я понимаю. Никакого дела нам нет, но мы все равно при первой возможности бежим к американскому послу и просим у него защиты. Как какое дело? Америка участвует во всех мировых процессах, в Египте и в России, как правило, исходя из своих собственных интересов.

Но я просто чувствую, что когда вот эта хрупкая и никчемная власть будет разрушена, когда или если, не дай Бог (лучше все-таки «если»), то какой хаос начнется в сегодняшней России.

О. Бычкова: – *Александр Андреевич, а почему ее нужно разрушать? Ведь предлагаются честные выборы. Ну, вы проведите выборы нормально, вы посчитайте голоса как люди.*

А. Проханов: – Честные выборы – это всегда спусковой крючок всех оранжевых революций. В технологиях оранжевых революций заложен момент выборов. Почему?

О. Бычкова: – *А ложь вот эта? И вот это напер-сточничество – это лучше, что ли? Вот это жульничество?*

А. Проханов: – Ну, я же вообще диктатор, я – тоталитарный человек. Для меня государство должно быть сохранено любыми средствами – я же сторонник мобилизационного проекта.

О. Бычкова: – *А почему нельзя сохранить государство, но чтобы при этом наконец произошла какая-то смена – там, вместо одного лидера пришел другой, который более соответствует реальности?*

А. Проханов: – Ну да. Вот Касьянов пришел, более реально соответствует. Или кто? Ну кто?

О. Бычкова: – *Да ну, господи. Да я не знаю, кто.*

А. Проханов: – Ну, вот я же вижу этот комитет. Ну, приходит уважаемый Пархоменко, становится президентом России. Или я вижу Шендеровича, который...

О. Бычкова: – *Подождите. В стране 130 или 140 миллионов людей. Неужели там, кроме Путина и Шендеровича, больше никого нет?*

А. Проханов: – Ну, вы знаете, политика не оперирует такими массами. Кухарки, конечно, могут править государством.

О. Бычкова: – *Кухарки не могут. Но среди такого количества народу найдется, наверное, кто-нибудь достойный, если кислород ему не перекрывать.*

А. Проханов: – Вы знаете, этих людей не выбирают из огромных масс, людей из сибирской глубинки или из деревни уральской. Не придет отсюда президент. Президент будет там, в ядре этой кометы, которая сейчас раскаленно несется по Москве, по её проспектам. Но, повторяю, надо понимать и чувствовать сегодняшнюю Россию с её дифференциацией, с её бандитскими регионами, с готовыми полевыми командирами, с региональными элитами бандитскими, которые смотрят на центр с ненавистью. Как только шатнется вот этот централизм остаточный, которым мы сейчас обладаем, все разлетится к чертовой матери вдребезги – это будет огромный взрыв галактический. И уже страну не соберешь. Понимаете, я представляю, что будет с Кубанью, например, где в каждом крупном районе бандформирование управляет регионом. Понимаете? Или что будет с Кавказом, который уже сейчас дымится, который взорвется? А что будет с Дальним Востоком?

О. Бычкова: – *Но подождите. Кавказ дымится уже давно. И Кавказ дымится всё то время, что дорогая, любимая вами власть находится, собственно, у власти.*

А. Проханов: – Кавказ дымится с момента, когда ваша дорогая, любимая вами ельцинская власть пришла сюда. Он задымился после горбачевских реформ. Не будем считаться нашим с вами вкладом в дым Кавказа.

О. Бычкова: – *Нет, только вы меня не рассматривайте, как... Я же не политическая фигура в отличие от вас, я задаю вам вопрос.*

А. Проханов: – Ну, конечно. А я-то что? А я вообще не политический, я – мечтатель.

О. Бычкова: – *А вы идете на митинг выступать.*

А. Проханов: – И Вассерман туда идет. Вот уж политическая фигура.

О. Бычкова: – *Ну, если Вассерман идет, тогда да, конечно.*

А. Проханов: – Да-да-да. Повторяю. Моя мотивация именно такова. Я вижу, как вот эта комета летит в Кремль.

И Кремль беспомощен, он ничего не делает для того, чтобы остановить это движение.

О. Бычкова: – *А почему он беспомощен?*

А. Проханов: – А я не знаю. У него паралич. У него есть все: у него есть спецслужбы, армия, у них огромное количество денег. Я думаю, что у него нет... мозгов. У Кремля нет интеллекта.

О. Бычкова: – *Ну, вот Путин, например, сказал, буквально сегодня, что есть некоторые здравые идеи, которые предлагают Жириновский, Зюганов, Прохоров. И Явлинский тоже, он сказал, как бы приличный человек. И наблюдатели у него хорошие. Это он вот что сейчас попытался продемонстрировать?*

А. Проханов: – Это слабые рефлексы. Власть постоянно демонстрирует слабые рефлексы на реальность. Один из очень слабых и, конечно, унижительных для власти рефлексов, по-моему, очень сильно ее ослабивших в ходе этой оранжевой революции, это приглашение на собеседование лютых своих врагов, когда они все пришли к Путину.

О. Бычкова: – *На какое собеседование?*

А. Проханов: – Ну как кто? Пришло «Эхо Москвы»...

О. Бычкова: – *Главные редактора пришли.*

А. Проханов: – Нет, не главные редактора. Кто же там пришел? Это не главные редактора.

О. Бычкова: – *Нет, это были главные редактора, которые регулярно...*

А. Проханов: – Это был Муратов, по-моему.

О. Бычкова: – *Совершенно верно.*

А. Проханов: – Это был Муратов.

О. Бычкова: – *Но там было очень много людей.*

А. Проханов: – Это были лютые антипутинисты.

О. Бычкова: – *Я не помню, был ли там именно Дмитрий Муратов, но там было много главных редакторов разных СМИ. Не первый раз они там были.*

А. Проханов: – Вы знаете, я тоже главный редактор. И мой друг Поляков, который управляет «Литературной газетой», он главный редактор. Есть Чикин, главный редактор «Советской России», есть другие патриотические редакторы. Там не было ни одного редактора, который потенциально мог бы поддержать эту власть. Там были редактора, люто ненавидящие кремлевскую власть и лично Путина.

О. Бычкова: – *И что это значит?*

А. Проханов: – Это значит, что власть слаба, она заигрывает с ними. Она пригласила их к себе. Более того, потом им выдавали какие-то премии.

О. Бычкова: – *По-моему, там были как раз сторонники Путина, там были всякие официальные СМИ, телеканалы там разные поддерживающие.*

А. Проханов: – Там сидели противники его, я даже скажу – враги Путина. Они смотрели на него с хохотом, они хохотали. Они высматривали у него на шее эту синюю жилу, которую можно было бы перекусить.

О. Бычкова: – *Откуда вы знаете, что они высматривали, если вас там не было?*

А. Проханов: – Ну, я же видел. Картинка-то была. Поэтому, повторяю, людей, которые потенциально могли бы поддержать власть, не приглашают и на них не делают ставку. А власть бы могла их поддержать. Действительно, есть реальная оборонка, которая сейчас, слава богу, получает от государства деньги на развитие средств вооружения. И эта оборонка будет сметена во время революционного хаоса.

О. Бычкова: – *А до этого она цвела просто? Вот все предыдущие 10 лет она расцвела?*

А. Проханов: – Она сейчас получает деньги на развитие. И она этими деньгами очень дорожит.

О. Бычкова: – *Ну, конечно, дорожит. Понимаю. Но почему-то ракеты падают, спутники уходят.*

А. Проханов: – А море выходит из берегов, а Луна – бывают затмения. Я вам говорю, что есть слои, на которые Путин мог бы опереться.

О. Бычкова: – *А почему он не опирается-то на них?*

А. Проханов: – Вот и я не понимаю, почему власть парализована, почему она замкнулась. Причем она проигрывает информационные войны. Потому что оранжевые революции, в основном, – это не революции танков, это революции информационных технологий.

О. Бычкова: – *А можно я скажу, почему она проигрывает?*

А. Проханов: – Ну, догадайтесь.

О. Бычкова: – *А вы скажете, права я или нет, со свойственной вам мудростью. Может быть, просто потому, что власть должна меняться время от времени? А эта власть уже сидит очень долго, она устала, она потеряла потенциал, у нее батарейки уже иссякли, и просто нужно, чтобы пришли другие, как это нормально бывает. Выборы происходят, приходят новые, у них больше сил, у них больше энергии, у них больше идей, у них мозги кипят, они хотят искать сторонников и так далее. Вот поэтому надо, чтобы они менялись.*

А. Проханов: – Да нет, я думаю, что есть властители, властелины, которые готовы жить и царствовать в течение целой своей жизни.

О. Бычкова: – *А есть такие, которые не готовы.*

А. Проханов: – А есть такие, которые почему-то... Видимо, вот этот процесс распада системы – он достиг очень высоких степеней.

О. Бычкова: – *Но ее надо сохранить все равно.*

А. Проханов: – Нет, ну если система нарушена, то... Вас убьют в подворотне, Оля, вас убьют, вам отрежут голову.

О. Бычкова: – *Не надо такого мне говорить.*

А. Проханов: Я не хочу, чтобы ваша прекрасная голова...

О. Бычкова: – *Вас тоже тогда, значит.*

А. Проханов: – Так меня в первую очередь убьют. Но я-то уже привык, что меня убивают все эти годы. Повторяю, власть... Я имею в виду не власть, а президента и премьера – мне-то кажется, что они чувствуют коллапс системы. Я все время думал, как система будет разрушаться без бомбовых ударов, без группы Центр? Как она может взорваться без войны или без спецопераций? Она разрушается так же, как медленно вянет дерево, в которое не поступают соки из земли, которое палит солнце и которое едят червяки.

О. Бычкова: – *Она гниет, пухнет.*

А. Проханов: – И мне кажется, что система парализована своей вот этой внутренней стагнацией. И из системы начинают убегать люди в сторону оранжистов. Вот как прошел Давос? Что такое давосская наша встреча? Туда пришел весь бомонд кремлевский. Господин Шувалов. Что они делали? Они костерили и в хвост, и в гриву эту систему. Они, по существу, костерили и своего президента, и Путина.

О. Бычкова: – *Путина – нет. Говорят, Путина – нет.*

А. Проханов: – Нет, ну, мы же понимаем, что они Путина не называют.

О. Бычкова: – *Ну, если только подразумевали, да.*

А. Проханов: – Конечно. Они костерили эту систему прогнившую, которая олицетворена президентом и премьер-министром. Это говорит о том, что это перебежчики, это предатели. Они уже побежали туда. А система набита предателями так же, как предателями была набита советская система.

О. Бычкова: – *А почему они должны защищать вот эту тухлятину...*

А. Проханов: – Ну, я же вам объясняю, почему они должны защищать.

О. Бычкова: – *Почему?*

А. Проханов: – Ну, потому что если бы у них хоть малейший исторический опыт был, они должны были бы понять, что крушение государственности в России означает катастрофу, означает миллионы погибших, кровь. Это кошмар!

Это моя мотивация.

О. Бычкова: – *Это ваша мотивация, совершенно верно.*

Давайте про международное положение поговорим. Ну, у нас, конечно, Сирия сейчас в центре внимания. Вот объясните, пожалуйста. Вот тут люди по-разному спрашивают вас об этом. Например, зачем мы поддерживаем кровавого вурдалака (по-моему, так) сирийского? Все не понимают, почему мы так упираемся с этим Асадом.

А. Проханов: – Ну, мы же не упирались с Ливией, правда? Мы же не поддерживали этого кровавого вурдалака?

О. Бычкова: – *Поддерживали, кстати.*

А. Проханов: – Каддафи?

О. Бычкова: – *Да.*

А. Проханов: – Ну что вы?

О. Бычкова: – *Ну как это мы не поддерживали?*

А. Проханов: – Вся бойня началась с момента, когда Россия не наложила вето на резолюцию Совета безопасности и, по существу, дала ход операции «Воздушное небо», когда начались бомбардировки. По существу, на России лежит ответственность за весь кошмар, произошедший в Ливии. В итоге – что сейчас происходит в Ливии? Мы освободили Ливию от кровавого вурдалака Каддафи. Там идет бойня, там идет кровавая бойня, там все против всех. Там такое количество оружия, там все племена передрались, там идет гражданская война, которая будет идти ближайшие 50 лет.

О. Бычкова: – *Зачем нам сдался вот этот Башар Асад? Кто он нам?*

А. Проханов: – Ну как? Это дестабилизация огромного региона. Когда уходит Башар Асад и к власти приходит сирийский Шендерович, возникает кошмар.

О. Бычкова: – *Какой сирийский Шендерович? Господи! О чем вы вообще?*

А. Проханов: – А кто приходит к власти?

О. Бычкова: – *Шендерович у нас...*

А. Проханов: – Но это сирийский, не наш.

О. Бычкова: – *...исламский фундаменталист? Я ему расскажу – ему понравится.*

А. Проханов: – Тогда, когда ломается Башар Асад, тогда приходит к власти вот этот огромный раскаленный хаотизированный клубок. Ведь против Башара кто воюет, вы знаете? Ведь туда хлынули люди из Ирака, которые прошли войны Ирака, туда пришли люди из Афганистана, туда пришли люди из Йемена. И это люди, которые профессиональные воины, вояки. Они не знают, что такое мир, не знают, что такое переговоры. Туда двинулось оружие в огромном количестве. Там идет реальная гражданская мировая война, потому что против Башара воюют интернациональные силы.

Более того, тут были сообщения, что против него воюют спецподразделения Турции, которые, как бы, загримированы, закамуфлированы под повстанцев. И сейчас там воюет подразделение из Саудовской Аравии, сауди-ты. По существу, мы имеем дело с коллективной международной агрессией против суверенной Сирии.

О. Бычкова: – *Ну и Лига арабских государств тоже его уже давно сдала фактически.*

А. Проханов: – Да не очень: она то сдает, то опять принимает его.

О. Бычкова: – *Ну, у них там какие-то идут свои разборки, понимаете? У них там сложные отношения. Саудовская Аравия, Иран, Лига арабских государств, соседи. Там все очень сложно. Но нам туда зачем?*

А. Проханов: – Да мы там есть. Не «зачем», а мы там есть. Нас оттуда выбивают. Это единственное место, откуда мы еще не ушли. Мы там были со времен окончания Второй мировой войны. И это базовый район, где Россия сохраняет свое геостратегическое влияние – в регионе, где уже давно сидят американцы. И Сирия по сей день – это рынок. Через Сирию идет торговля оружием как в саму Сирию, так и в регион. Повторяю, Сирия – это тот замковый камень, на котором зиждется наша ближневосточная политика. А ближневосточная политика – это очень мощный узел.

О. Бычкова: – *А наша ближневосточная политика в чем заключается?*

А. Проханов: – Она заключается в том, чтобы не позволить превратить этот регион в плацдарм удара против России, как это было во время грузинской войны. Грузия включена по стратегии американцев в Большой Ближний Восток. Есть такая категория «Большой Ближ-

ний Восток». Контроль над этим Большим Ближним Востоком должен принадлежать Америке через в том числе и влияние на этом Ближнем Востоке Израиля. И война России с Грузией, или Грузии с Россией – это маленький крохотный эксперимент и пример того, как будет развиваться геостратегия в этом регионе. Не только. Потому что Иран...

О. Бычкова: – *А каким образом из Сирии ударят по России?*

А. Проханов: – ...Иран является ключевым государством в этом регионе. Иран завязан на Сирию, Иран завязан на конфликт с Израилем, Китай завязан на союз с Ираном. Иран, шиитский Иран обладает возможностью в случае, если против Сирии будет развязана прямая агрессия со стороны саудитов, Иран обладает возможностью поднять шиитское население в Саудовской Аравии. Это страны, где все как ком пластилина перемешано. И если травмировать один малый участок вот этого организма таинственного, начнут вибрировать, разрушаться все остальные участки. Понимаете, вот, скажем, говорили, что Турция готова вторгнуться на территорию Сирии. Тогда возник ответ: «Попробуй вторгнись, Турция». У Турции за спиной Курдистан, и есть возможность дестабилизировать ситуацию в Курдистане, ну, так, как наш Кавказ дымится и кровоточит. Значит, отговорили Турцию совершать эти опрометчивые поступки только потому, что возможна инициация гражданской войны внутри Турции.

Теперь Иран. Допустим, удар по Ирану, прекращение поставок нефти Ирана в Китай.

О. Бычкова: – *А вы думаете, это возможно на самом деле? Вот, не декларативно, не голословно, не громогласно, а на самом деле, практически?*

А. Проханов: – Все возможно. Конечно, возможно. Потому что стратегические планы существуют, потенциалы подсчитываются, вероятность войны увеличивается. Она не стопроцентная, она достигает иногда 80 %, иногда падает до 60 %. У Израиля тоже не железные нервы, эти нервы готовы сдать. Американцы отговаривают их всячески и запрещают им. Было даже заявление американцев, что если израильские самолеты без санкции американцев полетят бомбить Иран, Америка будет сбивать эти самолеты. Но это понятно крупной державе, которая, может быть, далека от такого регионального эгоизма, что война с Ираном...

О. Бычкова: – *Никому не нужна на самом деле.*

А. Проханов: – ...что это война с Китаем, это война с Пакистаном. Потому что Китай в состоянии инициировать Пакистанские антиамериканские группировки очень мощные. Поэтому здесь все в этом мире связано. И алгоритм превращения маленькой, там не знаю, израильско-сирийской войны в мировую – он просчитан и очевиден.

Вот почему мы там. Мы там для того, чтобы попробовать не дать развиваться вот этому конфликтному потенциалу.

О. Бычкова: – *А вам не обидно, что сейчас сверхдержавы в мире – это не те две, которые были раньше, а вовсе даже США и Китай? И все остальные страны там где-то выполняют какие-то такие подневочные функции? Россия в данном случае...*

А. Проханов: – Конечно. Поэтому я и иду на Поклонную гору. Из огромной обиды.

О. Бычкова: – *А Россия в данном случае выполняет какую-то китайскую такую волю и участвует в ее игре.*

А. Проханов: – Нет, но Россию довели до такого состояния. Ведь, была же пора, когда я был в расцвете сил, когда Россия и я как ее представитель плавал на разведывательных кораблях по Средиземному морю и я видел, как с помощью этих кораблей наносятся удары сирийского противовоздушного комплекса по израильским самолетам, которые вылетали из-под Яффе, шли в долину Бекаа в Ливан и там их сбивали сирийские ракеты по наводке наших

кораблей. Обидно? Конечно, обидно. Но Россия огрызается. Россия слабо, иногда хаотично огрызается. Чего стоит последний маневр Лаврова, который...

О. Бычкова: – *Который трубку не брал? В Австралии он находился, да?*

А. Проханов: ...который в течение суток не брал трубку на звонок этого могущественного человека – Хиллари Клинтон.

О. Бычкова: – *Какой смелый человек!*

А. Проханов: – Это язык дипломатии.

О. Бычкова: – *Министр иностранных дел маленькой, но гордой России. Не брал трубку.*

А. Проханов: – Вы знаете, в этом инциденте Клинтон была опущена, она была в бешенстве. Примерно то же самое сделал Примаков, когда, помните, развернул свой самолет во время югославских дел?

О. Бычкова: – *Да, я помню. Я там тоже должна была лететь.*

А. Проханов: – Тоже должна? И летела? В этом самолете, да?

О. Бычкова: – *В соседнем.*

А. Проханов: – А, в соседнем? Ну, долетели до своей любимой страны, нет?

О. Бычкова: – *Нет. Развернулись.*

А. Проханов: – Тоже развернулись?

О. Бычкова: – *Конечно.*

А. Проханов: – Вот это язык дипломатии. Именно поэтому, вот именно поэтому Путин является самой ненавистой в Америке фигурой. Она говорит: «Как?! Ты же не имеешь ничего, у тебя на исходе ядерные потенциалы».

О. Бычкова: – *Самой ненавистой фигурой в Америке, наверное, являются какие-нибудь китайские товарищи, потому что вот это вот реальные противники. А все остальные – это просто статисты той или другой степени. Нет?*

А. Проханов: – Ну, я просто смотрю прессу. Конечно, Америка готовится к войне с Китаем, это ясно. Но в их оценках, в их дефинициях по отношению к китайским лидерам они, газеты, соблюдают этикет. А что творится в прессе против Путина, против России, одному богу известно.

О. Бычкова: – *Ничего не творится.*

А. Проханов: – Ну что вы! Его сметают

О. Бычкова: – *Ну, послушайте, это далеко не первая тема, поверьте мне. Вот честное слово.*

А. Проханов: – Конечно, они говорят о реформах Обамы.

О. Бычкова: – *Вам просто хочется, чтобы вы на крейсере плыли вместе с Путиным по Средиземному морю и все боялись вас.*

А. Проханов: – Ах, как мне хотелось бы, чтобы этот крейсер был не под американским флагом.

О. Бычкова: – *Ну, может быть, у вас еще есть шанс.*

А. Проханов: – Я использую этот шанс на 100 %.

О. Бычкова: – *Не замерзните на Поклонной горе в субботу.*

А. Проханов: – Я пойду в теплых подштанниках.

1.02.12.

Оранжевая революция – революция роз или оторванных подметок?

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, вот вопрос, который пришел несколько заранее в интернете: «Пожалуйста, сформулируйте, наконец, что такое оранжевая революция и кто в России ее носитель?», – пишет человек с ником Арбат-51.

А. Проханов: – Еще раз сформулирую для тех, кто не слышал мои предшествующие формулировки и объяснения. Оранжевая революция – это особая технология, с помощью которой, практически без употребления силовых средств, оружия, танков, взрывов, можно в короткие сроки сменить режим той или иной страны.

О. Журавлёва: – Она же – бархатная, можно так сказать.

А. Проханов: – Она же – революция роз, она же – революция оторванных подметок, как теперь у нас выяснилось на сегодняшний день в Москве. Какие технологические приемы заложены в эту процедуру? Оранжевая революция основывается на массовом недовольстве народа против власти. Это недовольство должно охватить очень значительные слои общества, желательно – все общество, все круги, все страты, все сословия. Власть оказывается под молчаливым и немим давлением этого недовольства, этих претензий.

Наступает момент выборов в Думу, в парламент, президентских выборов. Сами процедуры выборов консолидируют народ, народ оказывается завязан на избирательные урны – он на один день, на один момент соединяется через выборные процедуры. Он, так или иначе, как бы просыпается или отчасти просыпается от летаргии невыборной и становится на секунду участником политического или социально-психологического процесса. Эти выборы объявляются нелегитимными, фальшивыми, они объявляются выборами подделки. Народу говорится, что у них украли голоса. И этим самым...

О. Журавлёва: – Кем? Кто должен это сказать?

А. Проханов: – Те силы, те группы, те структуры, которые хотят свергнуть власть, заинтересованы в ее устранении, объявляют народу, что выборы нелегитимны и фальшивы. Это оскорбляет народ, консолидированный вокруг выборов. Действительно, что может быть ужаснее? Мы поднимались с одра, мы шли на избирательные пункты, мы бросали бюллетени и вдруг нас так мерзко и страшно обманули: мы – скоты, мы – быдло.

И вот, в состоянии этой оскорбленности люди начинают выходить на площади в том или ином количестве. Раньше они выходили на площади медленнее, в меньшем количестве. Или не так быстро, как теперь. Теперь этот выход на площадь быстрый и мгновенный гарантируется существованием интернета, социальных сетей, в которых уже заранее велась как бы подготовка, формировался протестный слой, формировалась протестноактивная часть общества.

Этот выходящий на улицу, протестующий и обобранный, как они считают, слой населения встает на митинги. Митинги проходят: один, другой, третий – и каждый из них наполняется все новым и новым содержанием, технологиями смеховой культуры, карнавальской культуры, всевозможными затеями. Эти затеи могут быть игровыми и смехотворными, могут быть грозными, там может быть театр мнимых казней, может быть театр экспозиции новых или старых лидеров.

Постепенно толпа начинает гореть, она загорается. Потом стоящие митинги сменяются маршами. То есть статика протеста сменяется кинетикой протеста. Вот эти кинетические массы, которые сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начинают бежать по улицам, наполняются вот этой кинетической энергией удара. И если напротив этого бегущего множества возникает преграда – в виде, например, ОМОНа, или грузовиков с войсками, или в виде

турникетов, и особенно если впереди начинает маячить какая-то желанная цель, например, какой-то Центризбирком, чуровский или, может быть, какой-нибудь минский Центризбирком, откуда исходит это оскорбление народное, – то народ стремится дотянуться до этих измывающихся над ним лидеров. И он бросается на разгром.

О. Журавлёва: – *Гнев народа в этой нарисованной вами картине – он справедлив?*

А. Проханов: – Мы говорим сейчас... Хотите, я перестану объяснять, что такое оранжевая революция? Поговорим о феноменологии народного гнева. Или все-таки договорю?

О. Журавлёва: – *Хорошо, договорите, но потом ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.*

А. Проханов: – На все ваши 120 вопросов, которые будете один за другим выстреливать, отвечу.

О. Журавлёва: – *Так, пришел народ к избиркому.*

А. Проханов: – Нет, не к избиркому – он пришел к преградам, он пришел к цепям ОМОНа. И он бросается на эти цепи. В результате столкновений проливается кровь. Она проливается в небольшом количестве, может быть, двух-трех задавят, может быть, задавят 20 человек, может быть, начнется применение дубинок или пневматического оружия с обеих сторон, возникнет, по существу, жестокое и кровавое столкновение. В результате этого, в результате разгона этой демонстрации могут возникать похороны, которые соберут еще большее количество людей. Мир ополчается на чудовищную, окровавившую себя власть и называет эту власть чудовищем, античеловеческим явлением, монстром, который подлежит диффамации. И эта власть диффамируется всей мощью информационных мировых структур, которые бросаются на её несчастного лидера или на группу лидеров.

Этот лидер под таким воздействием, таким парапсихологическим, по существу, воздействием (потому что информационное воздействие сегодня в мире парапсихологическое) – он мешается, он ломается, он уходит, его смещают, он улетает прочь. Его место занимают победители – либо это Лех Валенса, например, либо это Борис Ельцин, который выдавил Горбачева, либо это господина сегодняшней Болотной площади: Шендерович, например, или господин Пархоменко сменяет...

О. Журавлёва: – *Ни тот, ни другой, кстати, не являются политиками.*

А. Проханов: – Но они являются людьми, которые танцуют на этой Голгофе.

О. Журавлёва: – *Хорошо. Так?*

А. Проханов: – И тогда происходит смена режима. Иногда же, если власть, например, слишком упорна и если у нее нет при этом ядерного щита (как у этого упорного Каддафи), то начинаются бомбардировки. Эту демонизированную власть, объявленную врагом человечества, не заслуживающую никакой пощады, начинают бомбить штурмовики НАТО. И эту власть сметает огонь, сметаю вот эти события, как они смели Хусейна, Каддафи, как сейчас хотят Башара сместить. И, может быть, как говорил, как обещал нам господин Маккейн, этот великий американец, может быть, такой участи будет удостоен господин Путин. Вот что такое оранжевая революция как классика.

О. Журавлёва: – *Хорошо. Значит, в Киеве было что-то другое, я правильно понимаю?*

А. Проханов: – В Киеве было именно это, потому что именно...

О. Журавлёва: – *Там вроде не бомбили, насколько я помню.*

А. Проханов: – Именно благодаря оранжевой революции, оранжевым атакам, оранжевым протестам был смещен законно выбранный Янукович.

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, вы нарисовали кровавую картину оранжевой революции, которая приводит к катастрофе, смещению власти, бомбардировкам и всему тому подобному.

А. Проханов: – Не я нарисовал – история нарисовала. Я просто вяло и дрябло воспроизвел ее.

О. Журавлёва: – Хорошо, но просто есть примеры как раз оранжевых, собственно, откуда и пошел термин, революций, в которых никто никого не убивал. Вот пишут: «Оранжевые революции строятся на недовольстве и немом угоре. Недовольство не берется из ниоткуда, значит, в любом случае надо что-то менять». Ну, с этим вы готовы согласиться, что неспроста все-таки народный гнев направляется против власти?

А. Проханов: – Конечно.

О. Журавлёва: – Что есть причины для него?

А. Проханов: – Народный гнев – очень мощный фактор, потому что народ нужно довести до этой истерики, до этой муки. Но народным гневом как политическим явлением, как концентратом энергии могут пользоваться в самых разных целях...

О. Журавлёва: – Кто?

А. Проханов: – Ну, например, я ненавижу Кремль и я нахожусь в согласии или в заговоре с такими же ненавистниками. Допустим, мы имеем спонсоров финансовых как внутри страны, которые ненавидят Кремль и являются олигархами, или за рубежом – людей, которых не устраивает кремлевская политика. И тогда я действую в интересах этих зарубежных и внутренних группировок, и в интересах своих представлений о характере власти.

О. Журавлёва: – А зачем вам нужны средства, чтобы народное недовольство направить на Кремль? Чтобы что? Во что их вкладывать?

А. Проханов: – А зачем нужны были средства Ющенко во время Майдана? Чтобы купить барабаны, чтобы палатки купить дорогие, чтобы поддерживать информационный бум, чтобы часть средств оставить себе на лечение испорченной физиономии. Вообще, все народные движения массовые требуют средств и денег. Эти деньги были и будут всегда. И эти средства будут бросаться либо на благие намерения, либо на самые темные и чудовищные.

О. Журавлёва: – А вот Владимир Путин знает, как с этим со всем бороться, всем ужасным, что происходит. И насчет оранжевой революции все объяснил. Просто и доступно. Встречался с военными, все им рассказал. По словам главы правительства, после свержения режима Каддафи (он тоже туда же, собственно, смотрит) начались столкновения между племенами, люди гибнут десятками, может быть, уже и сотнями. России, чтобы не стать ареной экспортированной оранжевой революции (ну, вот опять же, те же средства из-за рубежа, о которых вы рассказываете, да?), нужно, по словам Путина, «двигаться по собственному пути демократизации, не допускать постороннего вмешательства в свои дела. Это самое главное», – подчеркнул он на встрече с командирами дивизий и бригад Вооруженных сил РФ.

И второе: «Мы должны обеспечивать свой суверенитет, никому не позволять совать нос в наши дела, и в этом смысле должны соответствующим образом работать правоохрани-

тельные органы, судебная система, на страже нашего суверенитета должны стоять вооруженные силы».

Что хочет сказать Владимир Владимирович?

А. Проханов: – Ну, ровно то, что он сказал, и с чем я согласен.

О. Журавлёва: – А что, простите меня, мешало раньше решить вопрос, который возмущает народ, например, не обманывать? Например, не воровать.

А. Проханов: – Ничто не мешало. Ничто не мешало.

О. Журавлёва: – А теперь?

А. Проханов: – Ничто не мешало. Надо было не воровать, не обманывать, надо было заняться сбережением народа, который вымирает по миллиону в год, надо было улучшать состояние дорог, клиник, университетов и учебной системы, медицинской системы. Ничего этого власть не делала. И она добилась того, что возник этот импульс гнева. И, кстати, та часть власти, которая тоже в какой-то момент перебежала на сторону оранжистов, Кудрин, например, абсолютно так же, как и сама власть путинская и медведевская, ответственна за этот взрыв негодования и ненависти. Но я вам сказал, что этим взрывом можно воспользоваться по-разному. Им и пользуются по-разному.

О. Журавлёва: – Как воспользуется Путин этим взрывом?

А. Проханов: – Путин должен успеть убедить народ деяниями или словами, или чем-то еще иным в том, что после выхода из кризиса начнется долгожданное российское развитие. Потому что если, например, он этого не сделает (хотя он пользуется большой популярностью в стране – у него рейтинг не 5 %, как у Ельцина, который уходил), если он вернется в Кремль, во власть, но опять займется своими корпоративными делами, если он опять бросит народ на вымирание, если он опять между народом и своей корпорацией выберет корпорацию, а не народ, его сметут. Его сметут.

О. Журавлёва: – Но они будут правы – те, кто сметут?

А. Проханов: – Они будут правы, они и теперь правы. Но драма-то ведь в том, что, сметая Путина, будет сметена и хрупкая российская государственность.

О. Журавлёва: – Вы так считаете? То есть просто выиграть на выборах другому кандидату – это же не сметение государственности?

А. Проханов: – Но сейчас же речь не идет о том, чтобы позволить Зюганову выиграть, а речь идет о том, чтобы объявить выборы, проходящие 4 числа, заранее нелегитимными, возбудить народ, который уже до выборов поверил, что его обманули априори. Более того, показать народу, что добром здесь ничего не сделаешь. Термин «Выметем Путина из Кремля», который гулял на Болотной площади, – это же термин, лозунг какого рода? Сначала выборы проходят, и Путин несправедливым путем оказывается в Кремле. Но выборы нелегитимны, и вот этот кремлевский Путин подлежит выметанию из Кремля. То есть, по существу, это формула силового захвата власти. Никаких выборов там нет – выборы кончились, выборы прошли, Путин в Кремле, все хорошо. Но выборы лживы, и поэтому нужно штурмовать лживую власть. Но, повторяю, власть абсолютно ответственна за эту социальную катастрофу.

Другое дело, что у многих граждан, в том числе и у меня, драма выбора между тем, чтобы стараться любыми средствами предотвратить вот эту оранжевую катастрофу, и в результате этого сохранить эту реально персонифицированную власть (что ужасно для страны)...

О. Журавлёва: – Которая нас, в принципе, не устраивает, и вас тоже?

А. Проханов: – ...которая, в принципе, не устраивает, и тем, чтобы попытаться через давление на власть отделить эту власть от российской государственности.

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, значит, самое главное...

А. Проханов: – В 1991 году сделать это не удалось. Не удалось это сделать и в феврале 1917 года. Уничтожая монархию царскую, уничтожили государственность, империя развалилась, и началась гражданская бойня и война. То же самое произошло и в августе 1991 года. Уничтожая коммунистическую власть, не сохранили государственность, распался Союз, начались войны, начались две чеченские войны. До этого – страшная гражданская война в Таджикистане, чудесная бойня, недавно прошедшая в Киргизии, 1993-й год, кровавая Москва и пылающий Дом Советов. Вот в чем драма.

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, то есть весь смысл в том, чтобы вот эту энергию кинетическую уже, как вы говорите, народного гнева держать в таких рамках, чтобы она не снесла основы? Правильно?

А. Проханов: – Вот таких рамок практически нет. Здесь должно быть тончайшее искусство социальных и политических хирургов, которые управляют этим потоком. Если у них есть такая задача. Но у них обычно нет такой задачи.

О. Журавлёва: – Такая задача должна быть у ныне действующей власти?

А. Проханов: – Нет. У ныне действующей власти одна задача – сохраниться, сберечься. И для этого у нее очень мало ресурсов. Но эти ресурсы есть, я полагаю. Я очень надеюсь, что они найдутся. В противном случае будет беда. Здесь другой вопрос очень интересный (я размышлял над этим). В чем заслуга вот этих вспышек, когда народ вышел на площади? Он внезапно ведь вышел на площади. В чем заслуга так называемой несистемной оппозиции? А несистемная оппозиция совершила невероятные дела, на самом деле. Она в кратчайшие сроки вот эту неподвижную, осовевшую, чванливую и неспособную, нежелавшую меняться, неспособную к переменам власть заставила измениться. И за какие-то месяцы, по существу, была объявлена политическая реформа. Власть пошла навстречу требованиям оппозиции – это было невероятно еще полгода назад. И что это такое? Наверное, это хорошо. Может быть, это и есть то, о чем я говорю.

О. Журавлёва: – Может, это и есть народовластие?

А. Проханов: – Да, конечно. Может быть, это есть народовластие или народовкусие, или что-то там еще. Нет. Здесь кроется очень тонкий момент, который может спасти страну. Что это за момент? Вот несистемная оппозиция со своим потенциалом народных выступлений наносит власти мощный удар. Это я видел: как в танк врывается стальной сердечник из крупнокалиберного пулемета. Но броня такова, что сердечник проникает в нее глубоко, но не насквозь, и не взрывается боекомплект, не происходит этого страшного взрыва, который разносит танк вдребезги. Но возникает вмятина. И власть эту вмятину ощущает. И следующая формация власти или следующая конструкция танка учитывает эту вмятину как конструкцию. Она не демонстрирует следующий проект танка с этой уродливой вмятиной – она делает такую конфигурацию брони, что вмятина входит в конструирование самой новой машины. И вот эта политическая реформа – она, быть может (повторяю с опасением), она, быть может, изменит контуры следующей власти. И власть пойдет на этот коэффициент, на эту поправку, таким образом хотя бы отчасти смягчив удар. Этот удар не должен проникнуть насквозь и уничтожить боекомплект сегодняшней несчастной России.

О. Журавлёва: – Тогда нарисуйте, по просьбе одного из наших слушателей, первые 100 дней президентства Путина, если он победит 4 марта. Если учесть все то, что было до выборов.

А. Проханов: – Если учесть все, что было до выборов, и если учесть то, из чего состоит Путин, то эти 100 дней предсказать чрезвычайно сложно. Если Путин пластичный человек, если в нем...

О. Журавлёва: – Во что слабо верится.

А. Проханов: – Если Путин пластичный человек, если он не просто двухмерный, трехмерный человек, а шестимерный человек, если в нем, действительно, как говорит мифология Путина... Потому что вокруг Путина есть несколько мифов сложившихся. Эти мифы подтверждаются, и он сам как бы играет в эти мифы, поэтому трудно понять, подлинные ли эти тенденции в нем или это тоже сложный такой метафизический театр. Если, например, в нем есть, как его певцы пытаются доказать людям, загадочность, метафизика, склонность к тайне, способность ощутить эти таинственные явления русской истории, и он хочет войти в историю и закрепиться в ней как исторический персонаж, как спаситель России, он должен немедленно откликнуться на это движение. Потому что к Путину огромные претензии, например, у оборонщиков, которые сидят на костях военно-промышленного комплекса. Огромные претензии у армейцев, которые не выходят на улицу...

О. Журавлёва: – Вот как раз с армейцами он встречался, много чего интересного сказал.

А. Проханов: – Но они сидят среди разгромленной армии.

О. Журавлёва: – Что вы говорите! У нас потенциал, он сказал, Россия вообще опережает США в модернизации своих ядерных сил, мы круче всех в мире.

А. Проханов: – Он в долгу перед русскими мыслителями, перед русскими художниками и писателями, которых он и его предшественник Ельцин держал под колпаком, давая выход только либеральным энергиям, только либеральной культуре. Он должен пойти навстречу всему этому. Если он это сделает немедленно, не через 100 дней, а через 10 дней, еще до инаугурации, если он заявит об этом, то, я думаю, что протесты начнут уменьшаться. И, конечно, он должен закрепить политические обещания, которые дал он и Медведев.

О. Журавлёва: – А как насчет закручивания гаек, о которых тоже часто говорят? Может быть, это самый простой вариант – так закрутить, чтобы уже никто нигде не ходил?

А. Проханов: – Нет. Я думаю, что будут пластичные системы... Путин не пришел к нам как диктатор. Он пришел к нам как...

О. Журавлёва: – Как преемник.

А. Проханов: – Он пришел к нам как архитектор управляемой демократии. Управляемая демократия и диктатура – это две совершенно разные структуры политические. И как человек такой пластичной, управляемой демократии (ну, мягкий авторитаризм), он, мне кажется, должен проявить и задействовать поразительные способности всех такого рода систем к выживанию. Эти системы на своих окраинах допускают революции, то есть они допускают афронт, они выделяют из своей среды бунтарей, диссидентов, революционеров. В какой-то момент система под воздействием периферийных революций начинает содрогаться, трепетать, в ней возникает стремление к переменам. Потом она вбирает в себя этих детей, она их соединяет, она их интегрирует. Потому что, по существу, все живучие западные системы построены на этом прин-

ципе – они интегрируют революционеров, делая их либо частью поп-культуры, либо вводя их в истеблишмент, как было в Германии.

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, мы уже подобрались практически к 100 дням Путина, уже добрались до его первых действий. По поводу гаек: вы считаете, что закручивание гаек – это не наш метод, что называется?

А. Проханов: – Да нет, просто это не его метод.

О. Журавлёва: – Просто очень часто кажется по риторике путинской, хотя она сейчас достаточно все-таки продуманная (это не то, что какие-то спонтанные выступления), но, тем не менее, кажется, что все-таки страх – это его любимый способ воздействия. Когда он говорит с военными по поводу угрозы оранжевой революции и по поводу того, что нам все угрожают, по поводу того, что из-за границы пытаются вмешаться, совать свой нос и так далее, – это же манипуляции самыми простыми чувствами: страха, завоевания, вмешательства, еще чего-то.

А. Проханов: – Ну, понимаете, 1941 год. И, конечно, глупо было говорить о страхе – надо было говорить о садах.

О. Журавлёва: – А вот в 1941 году, между прочим, никого не предупреждали. Никто не говорил, что надо против Германии обороняться.

А. Проханов: – Как это?

О. Журавлёва: – До того, как все началось.

А. Проханов: – Я знаю, что в это время вы были, конечно, местом обороны.

О. Журавлёва: – Александр Андреевич, ну вы же прекрасно знаете, как мы любили... Как товарищ Сталин любил товарища Гитлера. Буквально накануне.

А. Проханов: 1941 году предшествовал 1940-й, 1939-й, 1938-й... Это была абсолютно военизированная психология мира в целом. Армии перевооружались, создавались элитные отряды, аристократию готовили к смертному подвигу во имя родины. И сегодня, когда Путин говорит с военными о войне, конечно, это смешно – он должен был говорить о – карамелях.

О. Журавлёва: – Ой! О карамелях он говорит прекрасно. Он рассказывает, что у нас не получилось вам построить жилье, но мы чуть попозже обязательно построим. Так что про карамель он говорит ровно столько же, сколько про угрозы.

А. Проханов: – Ну, я считаю, что если он пришел в гарнизоны к танкистам, он должен говорить о карамелях, о сгущенном молоке, о прическах прелестных женщин, дам Москвы.

О. Журавлёва: – Да, в общем-то, это их больше интересует, да.

А. Проханов: – Вам только так кажется. Вот эта психология пацифизма, которая исходит из либеральных кругов, все время навязывается стране, – она, в общем, отвратительная. Потому что такое ощущение, действительно, будто эта психология заказана – она не соответствует реальному положению дел в стране.

О. Журавлёва: – Да какой пацифизм, Александр Андреевич? Нам говорят, что на нас Америка нападает, а стреляют у нас, у нас в стране, внутри наших границ. Покушаются на разных людей. То у нас бой идет три дня на территории РФ...

А. Проханов: – И что?

О. Журавлёва: – *И про это нам никто не говорит – это не страшно? Почему?*

А. Проханов: – Ну как никто не говорит? Об этом все время говорят. Нам страшно, знаете, что? У нас была грузинско-российская война. Эта война, конечно, эпизод. Какая это война? Это смешотворно. Эта война была связана с тем, что в Черное море вошел натовский флот с ядерным оружием. Эта война была чревата тем, что была возможна схватка в Крыму, разрастание этой войны в российско-украинскую и в региональную, потому что беспилотники израильские летали над Цхинвали и над русскими войсками. А война с кораблями НАТО в акватории Черного моря – это война по всей акватории Тихого, Индийского, Атлантического океанов. И нам об этом пацифисты не говорят.

О. Журавлёва: – *Что помешало Америке тогда до-давить? Ведь Грузию же раздавили российские войска.*

А. Проханов: – Атомная война. Атомная война страшна. Поэтому наш ядерный щит является единственной и последней гарантией того, что нас не раздавят бомбардировщики. Но нас могут раздавить через технологии оранжевых революций. Поэтому мне кажется отвратительным разговор с сегодняшним российским народом с пацифистских позиций.

О. Журавлёва: – *А нельзя ли говорить с народом с других позиций?*

А. Проханов: – Нет.

О. Журавлёва: – *Меньше воровать, больше вкладывать?*

А. Проханов: – Это да, это да. Но мне-то лично (я-то милитарист), мне отвратителен разговор с русским народом с пацифистских позиций в то время, когда те же самые...

О. Журавлёва: – *Тогда зачем военным квартиры? Пусть так идут, героически.*

А. Проханов: – Мне отвратительна пацифистская фразеология людей, говорящих с русским народом, тех людей, которые прекрасно признают, например, оборонное сознание в Израиле. Они прекрасно признают, что для израильского человека оборонное сознание, чувство угрозы, чувство опасности, чувство осажденной крепости естественно. Оно для них естественно. Но только не для русских, на границах которых растут армии.

О. Журавлёва: – *Хорошо. Чувство осажденной крепости, ладно. Но помимо этого есть еще масса вариантов страха.*

А. Проханов: – Помимо этого есть страх, знаете, за что? У меня, например, страх за то, что падет русская государственность, и кончится все это августом 1991 года.

О. Журавлёва: – *И ваша единственная надежда – это Владимир Владимирович Путин?*

А. Проханов: – Это ваша единственная надежда. Моя единственная надежда, что удастся трансформировать эту власть без уничтожения государственности. И я думаю, что вот эта...

О. Журавлёва: – *Так все-таки трансформировать власть нужно?*

А. Проханов: – Вот эта машина запущенная, машина агитации и пропаганды за оранжевую революцию, частью которой вы являетесь в сегодняшнем разговоре со мной...

О. Журавлёва: – *Особенно вы сейчас пропагандист и агитатор.*

А. Проханов: – ...она тотальна и страшна. Именно она, вот этот сердечник, который ударил и движется в недрах брони, он пройдет насквозь и ударит боекомплект. Поэтому я делаю все, что в моих слабых силах. Я не хочу этого ложного, отвратительного пацифистского подхода. Это подход, абсолютно связанный с психологической обработкой противника. Против-

ник не должен знать, что на него нападут. Он не должен чувствовать себя в опасности. Он должен верить в то, что наша армия – самая сильная, мощная, что врага не...

О. Журавлёва: – *Так нам Путин об этом рассказывает, что армия у нас самая сильная и мощная.*

А. Проханов: – Молодец. И молодец. Молодец, что это делает, а не лжет нам, как это делают лжецы от либеральной психологии и политики.

О. Журавлёва: – *А Александр Андреевич нам рассказывал, что ужасный Сердюков армию разваливает специально.*

А. Проханов: – А я говорю, что армия должна быть восстановлена вопреки Сердюкову.

О. Журавлёва: – *Так Путин его назначил ваш любимый.*

А. Проханов: – А Путина назначил ваш любимый Ельцин. А Ельцин совершил госпереворот. А, оказывается, Зюганов выиграл в 1996 году выборы.

О. Журавлёва: – *Зюганов это не подтверждает.*

А. Проханов: – А ваш любимый либерал Медведев подтверждает.

О. Журавлёва: – *Что он может знать? Его тогда не было.*

А. Проханов: – И вы рукоплескали пожару 1993 года, а, по существу, одно за другое цепляется.

О. Журавлёва: – *Александр Андреевич, вы говорите о преемственности власти?*

А. Проханов: – Я говорю не о преемственности власти, я говорю о мерзком либеральном подходе к русским проблемам. Вот о чем я говорю.

О. Журавлёва: – *Тогда, значит, вот этот самый ваш любимец, который с мерзким либеральным подходом, останется еще на 12 лет у власти. Вы этого хотите?*

А. Проханов: – А вы хотите, чтобы Россия продолжала умирать, как она умирает под либеральным игом на протяжении двух десятилетий? Вы этого хотите?

О. Журавлёва: – *Так вы-то чего хотите? Вы чего хотите: чтобы Путин стал коммунистом, сталинистом или кем-то еще?*

А. Проханов: – Нет, я хочу, чтобы Путин стал дамой и на пуантах танцевал на сцене Большого театра...

О. Журавлёва: – *Ой, этого я тоже хочу. Но, к сожалению, это невозможно.*

А. Проханов: – Да. В общем, не валяем дурака, а говорим по-серьезному, о серьезных вещах.

О. Журавлёва: – *Вот, по-серьезному. Вы говорите, что Путин – гнусный либерал, разваливший армию. Но теперь вы хотите, чтобы он остался у власти. Зачем?*

А. Проханов: – Серьезные вещи таковы, что, благодаря политике Сердюкова, реформирующей уже разгромленную российскую армию, сегодня российская армия практически без частей. Но я только что был в Псковской воздушно-десантной дивизии, которая, слава тебе, господи, несмотря ни на что или, может быть, благодаря чему-то, является соединением абсолютной боевой готовности, полностью укомплектована личным составом, новейшим вооружением и готова в случае атаки супостата выставить свои штыки. Я также знаю, что утверждение

Путина о том, что иностранное вмешательство в дела России – это реальность, справедливо. Потому что русская политическая и политологическая жизнь набита неправительственными организациями, живущими на транши.

Сегодня ко мне опять приходил следователь ФСБ в редакцию и в 25-й раз беседовал со мной по поводу знаменитого интервью с Квачковым «Народное восстание – да». Прекрасное, блестящее интервью русского патриота. И опять – дело было уже закрыто, но организации Брода и Прошечкина, вот эти правоохранительные еврейские организации, живущие за деньги еврейских американских структур...

О. Журавлёва: – *Под носом у Путина.*

А. Проханов: – Под носом у Путина. И он должен был их зажать и разгромить.

О. Журавлёва: – *Так почему же он этого не сделал?*

А. Проханов: – Я надеюсь, что он это сделает. И он не свободен – он окружен Фридманами, он окружен Вексельбергами.

О. Журавлёва: – *Вы еще четыре года назад всё на него надеялись.*

А. Проханов: – А теперь я надеюсь на то, что он, наконец, загонит их за Можай, а Брод и Прошечкин, как и многие другие живущие на иностранные транши и, как крысы, прогрызшие дыры в российском обществе – они будут отравлены мышьяками.

О. Журавлёва: – *Про оранжевую революцию нам пишет Петр: «Чем страшна? Тем, что говорит про то, что необходимо поменять власть, которая ничего не делает, и поменять ее бескровно? В этом ужас оранжевой революции? Оранжевая революция изначально бескровна».*

А. Проханов: – Я уже сказал все, что сказал. Оранжевая революция в 1991 году была бескровна. Всего три человека было задавлено гусеницами. Но разве это люди? Согласитесь. Это чепуха.

О. Журавлёва: – *Александр Андреевич, вы сейчас передергиваете. Вы только что мне объяснили, что вся власть, которая была, она правопреемница всех тех ужасных либералов, которых вы описываете, и она ничем от них принципиально не отличается. И вы хотите ее клонировать и дальше, и дальше, и дальше для того, чтобы сохранить государственность? Я правильно понимаю?*

А. Проханов: – Нет, вы в течение всех 45 минут валяете дурака и ничего из того, что я говорю, не воспринимаете.

О. Журавлёва: – *А вы разве нет?*

А. Проханов: – Нет. Я вам объясняю, что такое оранжевая революция, я вам объясняю драму...

О. Журавлёва: – *Что она опасна. Я поняла.*

А. Проханов: – Я объясняю драму кровавого исхода оранжевой революции. Я говорю, что оранжевые революции – это не хрестоматийная выдумка. Оранжевая революция произошла в 1991 году в СССР. Вам наплевать на это. Ну... Так вы устроены. Оранжевая революция произошла, по существу, и в феврале 1917-го. Черт с ней.

О. Журавлёва: – *Но она была далеко не оранжевой. Оранжевые отличаются от просто революций как раз бескровностью.*

А. Проханов: – Оранжевые революции произошли в Киргизии, там перебили несколько тысяч людей.

О. Журавлёва: – *Оранжевая революция была одна – на Украине. Она там и была оранжевая.*

А. Проханов: Была революция роз, была революция, повторяю, подметок. Это просто один и тот же термин, который, кочуя из одной трагической страны и одного трагического народа в другой, меняет свое название и форму. Мы, повторяю, сейчас переживаем, конечно же, по хрестоматии оранжевую революцию, а по существу – революцию оторванных подметок, как я сказал в начале.

22.02.12.

Политковская - сакральная жертва для Путина

Т. Фельгенгауэр: – Александр Андреевич, масса сюжетов есть буквально для вас и только для вас. Как великого писателя.

А. Проханов: – Валяйте.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, давайте про сакральное жертвоприношение.

А. Проханов: – О, это моя тема.

Т. Фельгенгауэр: – Это ваша тема на 146 %. Владимир Путин, премьер-министр, кандидат в президенты, говорит о том, что некие провокаторы могут выбрать сакральной жертвой кого-нибудь известного и грохнуть его, обвинив в этом силовиков. Сценарий, по-моему, серьезный и закрученный.

А. Проханов: – Нет, во-первых, не дай бог, чтобы мы с вами попали под эту разборку. И вы известны, и я относительно известен. Дай бог, нам пережить.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, я на сакральную жертву точно не потяну.

А. Проханов: – Не зарекайтесь. Во-первых, все мы, рожденные здесь, – сакральные жертвы, мы обречены на эту жизнь. Это раз. А во-вторых, я понимаю, о чем говорит Путин. И речь идет, в общем-то, даже не только о возможных жертвах оранжевой революции. А ведь и Анна Политковская была сакральной жертвой. Не забывайте, что ее убили в день рождения Путина. Это был подарок, который кто-то или некто преподнес своему врагу Путину.

Т. Фельгенгауэр: – Про Анну Политковскую сегодня еще обязательно поговорим, благо и новости есть на эту тему.

А. Проханов: – Вот я и говорю, что сакральная жертва – это тема, не чуждая Путину. Он понимает, что такое сакральный удар.

Т. Фельгенгауэр: – Может быть, он знает что-то, чего не знаем мы?

А. Проханов: – Я думаю, что он знает не более того, что знаем мы с вами. Во всяком случае, я. И принесение сакральной жертвы Анны Политковской разрушило его, это был, повторяю, день его рождения, когда человек открыт, беззащитен, когда его пуповина помнит о том, что он явился в мир из изнеженных материнских утроб.

Т. Фельгенгауэр: – Я напому вам, что Владимир Путин тогда сказал, что Анна Политковская своей смертью больше вреда России принесла, чем пользы.

А. Проханов: – И это правда, потому что удар...

Т. Фельгенгауэр: – Как-то так вот он очень странно выразился.

А. Проханов: – Это сакральный удар, который он получил. Он не скоро от него оправился. Это была мощнейшая парапсихологическая операция. Смерть, направленная в конкретного человека. Это трансляция смерти в Путина. Поэтому он прав, говоря о том, что может быть принесена сакральная жертва, через эту жертву может быть совершен вообще какой угодно и политический, и метафизический переворот в современной России. Я его понимаю.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, это будет... Просто я не очень представляю себе, как такое может быть, что кандидат в президенты вот такие сценарии озвучивает. Это очень странно, когда он говорит, что есть люди, которые хотят каких-то стычек и к этому всячески подводят. Они и сами готовы принести какую-то жертву, обвинить в этом власти. Это звучит крайне тревожно. Такое ощущение, что там что-то готовится.

А. Проханов: – Мне тревожно слушать постоянные приглашения несистемной оппозиции к своим сторонникам явиться на площадь в центре Москвы 5 числа во что бы то ни стало.

Т. Фельгенгауэр: – Нет таких призывов.

А. Проханов: – Ну, я постоянно их слышу. Я постоянно их слышу. И сегодня, когда я ехал в автомобиле...

Т. Фельгенгауэр: – Мы постоянно слышим, что сейчас с московскими властями идут переговоры.

А. Проханов: – Сегодня, когда я ехал в автомобиле, я слушал Антона Ореха, его такое эссе – он блестящий эссеист – и там постоянно говорилось о том, что возможна кровь, возможна если не сакральная жертва, то убийство, насилие и что власть будет ответственна за это насилие. Воздух пахнет кровью. А в наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно, чтоб вены растворить. Вы это тоже чувствуете. И мне кажется, что не следует, ну, как бы, успокаивать людей накануне очень грозных и, может быть, страшных событий. Люди должны знать, что их ждет.

Т. Фельгенгауэр: – А что нужно, если не успокаивать? Просто информировать вот так вот?

А. Проханов: – Ну, задача журналистов – информировать. А задача, конечно, идеологов – придавать этой информации определенную окраску.

Т. Фельгенгауэр: – Но, информируя граждан о выступлении премьер-министра и кандидата в президенты, журналист неизбежно передает и ту эмоцию, которую Владимир Путин вкладывает. Ну, что это там за слово «грохнуть»?

А. Проханов: – Владимир Путин, как мне кажется... Как мне кажется, Владимир Путин предупреждает москвичей о возможной беде. Он не раскрывает технологии этой беды. Но любой политолог, знающий, что такое оранжевая революция, он прекрасно понимает, что первый этап оранжевой революции – это объявление выборов нелегитимными, заранее эти выборы объявляются нелегитимными, что и сделано уже перед президентскими выборами. И второе: в момент столкновения возмущенной нелегитимностью выборов толпы с органами правопорядка должна пролиться кровь. После чего демонизируется власть и, по существу, происходит страшная диффамация лидера.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, судя по всему, и к первой части тоже Владимир Путин подготовился, потому что сегодня он заявил, что некоторые сами будут вбрасывать. Ну, он говорит, я так понимаю, про оппозицию, про тех, кто уже сейчас говорит, что выборы не легитимны. Так вот про этих людей Владимир Путин сказал следующее: «Сами будут вбрасывать, сами контролировать, а потом предъявлять. Мы это видим и уже знаем». Видите? Путин-то заранее ко всему готов.

А. Проханов: – Я думаю, что он, конечно, встревожен. Нельзя называть его абсолютно спокойным, потому что ситуация, которая в стране, в СМИ, вообще та невралгия, которая охватила народ, она ужасна. И она передается всем. Всем лидерам – мелким, средним, боль-

шим, сверхлидерам. И мы живем в атмосфере такого полубезумия социального. И надо отдавать себе в этом отчет.

Т. Фельгенгауэр: – *Довольно страшно жить в атмосфере полубезумия, да еще и накануне президентских выборов. Кого мы выберем в таком состоянии, Александр Андреевич-то, в полубезумии?*

А. Проханов: – Как хорошо, что вы не замечаете той атмосферы, в которой вы живете и которую отчасти вы и создаете.

Т. Фельгенгауэр: – *Я не создаю атмосферу полубезумия. Я как раз стараюсь атмосферу полунормальности хотя бы какой-то создать. Но с другой стороны, конечно, здорово, потом можно будет сказать, что «не знаю, чего мы там навывибрали. Мы были в состоянии полубезумия». Очень удобная отговорка.*

А. Проханов: – Это когда будет кровь и когда будут с ревом нестись санитарные машины по Москве, мигая своими этими лиловыми очами, вот тогда можно сказать, действительно, мир-то безумен.

Т. Фельгенгауэр: – *Ну, я надеюсь, до этого не дойдет. Еще одно заявление Владимира Путина: «Оппозиция должна подчиняться мнению большинства. Бороться за свои права, но законными методами». Как вы считаете, кто кому должен подчиняться и по какому принципу?*

А. Проханов: – Я не юрист, я не знаю, как...

Т. Фельгенгауэр: – *Вы писатель, вы тоньше чувствуете.*

А. Проханов: – Я не юрист, я не знаю, как должно быть устроено правильное общество. Но я писатель. И мой опыт, опыт существования после 1991 года, когда власть в стране захватило либеральное меньшинство, это ужасный опыт жизни под игмом либерального меньшинства. И все 90-е годы – это годы беспощадного подавления русского большинства. И я знаю, что такое либеральная интеллигенция, которая приходит к власти. Это умное, очень деятельное, настойчивое, жестокое, беспощадное и аморальное меньшинство. Это меньшинство не признает ничего кроме себя. И не дай бог, если еще раз в России установится диктатура либерального меньшинства. Вот это я знаю.

Т. Фельгенгауэр: – *А вот последние 10 лет как бы вы охарактеризовали тех, кто был у власти?*

А. Проханов: – Последние 10 лет у власти находились те, кто вышел из сюртука Бориса Николаевича Ельцина. Это абсолютное логическое продолжение Ельцинизма, того срока десятилетнего, который воспевается по сей день либералами. Эта малина ельцинская – это была пора абсолютного расцвета либерализма, экономического либерализма, который позволил захватить народное достояние маленькой кучке, морального либерализма, когда расцветали пороки, гедонизм, гомосексуальные пляски.

Т. Фельгенгауэр: – *Вот эти люди последние 10 лет были у власти?*

А. Проханов: – И эти ельцинские либеральные 10 лет постепенно, без революций, эволюционно и имманентно переросли в следующие 10 лет. Поэтому нынешние проходящие 10 лет – это абсолютно либеральная, особенно экономически либеральная пора, проповедуемая либералами ельцинского периода.

Т. Фельгенгауэр: – А следующие 10 лет? Они также будут эволюционны? Или у нас, все-таки, все кардинально поменялось за последнее время?

А. Проханов: – Ну, я думаю, что следующие 10 лет, если победит оранжевая революция, они будут просто уже не русскими годами. Если победит оранжевая революция 5-го, 7-го или, там, 20-го марта, Россия распадется на тысячу кусков, будет бойня всех против всех, и у нас установится власть нескольких очень крупных империй, которые живут рядом с нами.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, с чего бы ей побеждать, в самом деле, Александр Андреевич? С чего бы побеждать ей, этой оранжевой революции, если вы считаете, что она будет?

А. Проханов: – А почему эта мирная, тихая, чудесная революция победила в августе 1991 года в Советском Союзе? И почему она победила у Саакашвили? И почему она победила в Киргизии? И почему она провалилась у Лукашенко во время выборов? Она шла абсолютно по сегодняшнему сценарию.

Т. Фельгенгауэр: – Хороший вопрос. Еще один вопрос по поводу...

А. Проханов: – А не хотите услышать ответ на этот вопрос?

Т. Фельгенгауэр: – Ну-ка? Удивите меня. Потому что у белорусов есть Лукашенко?

А. Проханов: – Нет. Просто эта революция там провалилась благодаря активности и превентивным действиям власти. А власть в Белоруссии осмысленнее, чем российская власть. Власть в Белоруссии...

Т. Фельгенгауэр: – Скажите, а... Расскажите тогда...

А. Проханов: – Хотите я вам договорю мою фразу?

Т. Фельгенгауэр: – Давайте.

А. Проханов: – Власть Белоруссии осмысленнее...

Т. Фельгенгауэр: – Потом еще про Белоруссию обязательно поговорим. Так? Осмысленнее?... Александр Андреевич? Ну, мне просто интересно, какие превентивные меры тогда... Будет большой блок по Белоруссии, хочу закончить просто с выборами. Какие превентивные меры правильно было бы принять нынешней власти?

А. Проханов: – Вы меня 6 раз перебивали и я вам отвечаю в 7-й раз, может быть, последний. Значит, в Белоруссии, благодаря тому, что там целостная власть, там абсолютно минимальный потенциал для оранжевистов, у них прекрасно действуют спецслужбы, в белорусском субъекте, то есть в администрации президента нет оранжевистов в отличие от нашего субъекта политического, который окружает самого Путина множеством самых разных оранжевистов, эту революцию удалось сорвать. И чудом там не появились трупы или кровь во время постпрезидентской ночи.

У нас все иначе. Потому что у наших оранжевистов огромная поддержка в истеблишменте, наши оранжевисты талантливее и способнее, и многочисленнее белорусских. А наша власть беспомощнее белорусской консолидированной власти.

Т. Фельгенгауэр: – Так. Вы сами себе противоречите. Вы сказали, что нет там оранжевистов. А теперь оказывается, они есть, просто не талантливые.

А. Проханов: – Мне свойственно самому себе противоречить.

Т. Фельгенгауэр: – Да, но у нас, с другой стороны, есть и целостность, и прекрасные спецслужбы.

А. Проханов: – Откуда у нас прекрасные спецслужбы?

Т. Фельгенгауэр: – Нет у нас прекрасных спецслужб?

А. Проханов: – Ну, конечно, у нас нет... У нас нет ни прекрасных спецслужб, ни прекрасной армии, ни прекрасного правительства, ни прекрасных президентов. У нас есть разгневанный, рассерженный, обессиленный народ, которым можно манипулировать в силу того, что он абсолютно озверел от всего происходящего в России.

Т. Фельгенгауэр: – Путин еще есть.

А. Проханов: – И Фельгенгауэр есть.

Т. Фельгенгауэр: – И Проханов есть.

А. Проханов: – И опять Фельгенгауэр есть.

Т. Фельгенгауэр: – Нет, я есть один раз. Не надо меня дважды...

А. Проханов: – Нет, вы есть 25 раз.

Т. Фельгенгауэр: – Два раза меня зачем-то посчитали.

А. Проханов: – А меня зачем посчитали?

Т. Фельгенгауэр: – И это вот так вот и на выборах будет.

А. Проханов: – Да, подтасовка.

Т. Фельгенгауэр: – По поводу легитимности и ожиданий от того, что будет 4 марта в ходе голосования. Очень много наблюдателей в этот раз, народ прямо очень активно идет в наблюдатели и будут вебкамеры эти. Кстати, среди наблюдателей на президентских выборах будет даже кардинал из Ватикана совершенно неожиданно. Насколько это позволит снизить градус напряжения? Как-то, вот, все же заранее говорят, что все сфальсифицируют. Ну, при таком количестве наблюдателей, наверное, это поможет.

А. Проханов: – Ведь все зависит от того, кто будут наблюдатели.

Т. Фельгенгауэр: – Кардинал из Ватикана.

А. Проханов: – Например, кардинал из Ватикана. А если бы был, например, какой-нибудь архиепископ или владыка, это была бы другая история. Понимаете?

Т. Фельгенгауэр: – Почему?

А. Проханов: – А потому что кардинал из Ватикана симпатизирует оранжистам.

Т. Фельгенгауэр: – (смеется) Почему?

А. Проханов: – Ну потому что, господи. Все же оранжисты – католики наполовину. Потому что, видите, они выходят... У них у всех танзуры на головах, они все выходят в сутанах, они произносят свою молитву по латыни.

Т. Фельгенгауэр: – С ужасом спрашиваю: а если бы раввин был наблюдателем?

А. Проханов: – Наблюдатели ничего не решают. Наблюдатели из Евросоюза, которые приезжают на выборы в Россию или в Белоруссию, они говорят, что выборы нечестные и нелегитимные. Если набить, например, наши выборные участки наблюдателями из Евросоюза, то все они через 4 минуты по завершении выборов, даже до обнародования результатов голосования скажут, что выборы не легитимны. Так же, как, кстати, и оранжисты наши говорят, еще

выборы не состоялись, но они уже не легитимны. Это фрагмент оранжевой революции. Выборы должны быть нелегитимными. Выборы 4-го нелегитимны, понимаете? И поэтому эти выборы должны быть отвергнуты, и поэтому должно быть создано конституционное совещание для новой Конституции.

Т. Фельгенгауэр: – А что, как вы думаете вообще, как будут 4–5 марта развиваться события? Как-то вы такие тревожные картины рисуете.

А. Проханов: – Да так и будут развиваться, как будут развиваться.

Т. Фельгенгауэр: – Да? Никто не сможет это дело отконтролировать никак?

А. Проханов: – Да нет. Вот, видимо, судьба такая русская.

Т. Фельгенгауэр: – Спецслужбы, я смотрю, вы уже списали со счетов вообще.

А. Проханов: – Да как вам сказать? Они же могут играть и на руку врага. Они же очень часто...

Т. Фельгенгауэр: – Вас послушать, так кругом враги, и все сговорились, и во всех сферах нашей жизни одни сплошные оранжеисты. И вы один, Александр Проханов в этом вот кольце врагов.

А. Проханов: – Да почему? И вы рядом со мной в одном кольце. Мы же с вами были внутри Садового кольца, когда эта белая змея протянулась вдоль Садового?

Т. Фельгенгауэр: – Я была на бордюре.

А. Проханов: – Вы были на бордюре?

Т. Фельгенгауэр: – Да.

А. Проханов: – Вы были частью змеи?

Т. Фельгенгауэр: – Частью змеи, конечно.

А. Проханов: – А, вы были частью змеи, вы были хвостом змеи...

Т. Фельгенгауэр: – Ну да, такой, гремучей, которая гремела.

А. Проханов: – Который проглотила пасть змеи. Спецслужбы разрушили СССР, спецслужбы, возглавляемые Крючковым, были частью заговора против России. Спецслужбы сегодняшней России абсолютно не консолидированы. Мы были свидетелями несколько лет назад о том, как спецслужбы чуть было не перестреляли друг друга. Это был казус.

Т. Фельгенгауэр: – Зато они раскрыли покушение на Путина. Но, правда, украинские спецслужбы, но все-таки. Это же тоже прекрасный сюжет, покушение на Путина.

А. Проханов: – Что здесь смешного? Вот я считаю, что...

Т. Фельгенгауэр: – Нет, это ничего... Трагично достаточно.

А. Проханов: – ...это предмет глубоких печалей наших с вами.

Т. Фельгенгауэр: – Попытка покушения на Путина? Или то, что не наши спецслужбы это раскрыли?

А. Проханов: – И третье еще что-то присутствует. Все печально. Что бы ни было сказано по этому поводу, все глубоко печально. Великопостно.

Т. Фельгенгауэр: – Ну да, вполне соответствует нынешнему времени. А насколько вообще вас это сообщение о срыве покушения на Путина заинтересовало, удивило, стало как-то для вас наоборот ожидаемым?

А. Проханов: – Оно меня как-то тупо огорчило.

Т. Фельгенгауэр: – Чем?

А. Проханов: – Ну а чего здесь хорошего-то? Ну вот раскрыли покушение на Путина в этот период, когда все нервы напряжены у людей. И эта информация должна воздействовать на людей так или иначе. Может быть, эта информация воздействует на людей таким образом, что если враги рода человеческого покушаются на Путина, то он достоин того, чтобы он был нашим президентом, и будем голосовать за него вдвое энергичнее. Есть и другое ощущение, что вот эти лукавцы – они устраивают мнимое покушение, такой самострел. И мы-то это знаем. И как это неприятно и неприлично. И наше доверие к Путину в результате этого самострела уменьшается. И 2 % долой из его сторонников. Это же все зависит от того, куда пойдет эта информация, на какую почву и что здесь прорастет.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, вот вы как восприняли эту информацию?

А. Проханов: – Вот я вот так и воспринял. Уныло. Мне кажется, что и то, и другое ужасно.

Т. Фельгенгауэр: – Вы упомянули уже имя Анны Политковской. Сегодня были новости тоже на эту тему. Фигурант дела об убийстве Политковской назвал заказчиками преступления Березовского и Закаева – об этом сообщил его адвокат. Но сам Березовский уже выступил с опровержением этой информации, сказал, что ничего подобного быть не может и нет. Еще один сюжет для вашего пера.

А. Проханов: – По-моему, я вначале, если мне не изменяет память, упомянул вот эту ситуацию. Упомянул ситуацию, что Политковскую должны были убить враги Путина. Потому что сейчас ведь, повторяю, вот эти дешевые трюки с самострелами, мнимыми покушениями уже не проходят. И в ход вступают очень сложные технологии. В данном случае, как мне кажется, были в ход пущены так называемые магические технологии. И эти магические технологии... Вы как верующий человек понимаете, что магия – это не совсем постороннее для общественной жизни явление. Эти магические технологии предполагали, что в день рождения (у Путина в это время был день рождения) следовало бы ему подарить вот этот вот чудовищный страшный подарок, убить человека и направить смерть эту против него. И, действительно, сразу после смерти Политковской, после убийства Политковской Путина стали обвинять в том, что он – заказчик этого преступления. Это был удар по его репутации, по его престижу. Ни один осмысленный политик не стал бы совершать такого рода злодеяние, понимая, что оно в первую очередь повлияет на его репутацию. Это раз.

Т. Фельгенгауэр: – Не припомню я, чтобы Путина в этом обвиняли, но...

А. Проханов: – Как это не припомните? Переверните подшивки газет и также синхроны «Эха Москвы» – вы услышите там огромное количество обвинений в адрес Путина.

Т. Фельгенгауэр: – Так по поводу Березовского и Закаева. Это тоже часть плана большого? Все укладывается в один пазл?

А. Проханов: – Ну, я думаю, что вот эта точка зрения, которую я вот сейчас вам предложил, она рассматривается и в информационных сферах, и в политологических сферах. И там ищут, кто бы мог быть заказчиком, кто так ненавидит Путина, кто так ненавидит Путина, что пытается использовать против него уже крайние формы.

Т. Фельгенгауэр: – *И нашли сразу двоих!*

А. Проханов: – Вы сказали, подсказали, спасибо. Вы правы. Я согласен с вами. Вы правы, да.

Т. Фельгенгауэр: – *Воплощение ненависти к Путину – Борис Березовский?*

А. Проханов: А, вы считаете, что Березовский и Путин – друзья, да? Закаев и Путин – друзья?

Т. Фельгенгауэр: – *Ну, когда-то точно были.*

А. Проханов: – Когда-то все мы были друзьями в детстве.

Т. Фельгенгауэр: – *Ну да.*

А. Проханов: – А сейчас перессорились очень крепко. И, похоже, навсегда.

Т. Фельгенгауэр: – *Это очень печально. У нас все «Особое мнение» сегодня довольно грустное. Ну, наверное, времена такие. Не работает у нас, к сожалению, кардиограмма эфира – сейчас в перерыве уже поплакали.*

А. Проханов: – Я ее нарисую, я сам ее нарисую.

Т. Фельгенгауэр: – *И я тоже нарисую, а потом сравним по ощущениям от эфира. Давайте про Белоруссию теперь наконец-то уже подробно и обстоятельно поговорим. Ну, там все совсем печально с Евросоюзом. Уезжают белорусские послы из стран ЕС, а страны ЕС отзывают послов своих. И что вообще происходит? Вроде вот этот постоянный танец Белоруссия-Евросоюз – он, все-таки, как-то, но двигался. И вроде даже получалось у Александра Григорьевича балансировать.*

А. Проханов: – Я вот сейчас был в Минске. Опустел город. Понимаете? Ни одного посла. Иду по улице, ищу, где бы найти посла Польши. Нет. Германии – нет. Все сгинули. И что делать теперь приезжающим в Минск? Пустыня! Эти послы не были изгнаны, ни посол Евросоюза, ни посол Польши. Им было элегантно предложено на время покинуть столицу Белоруссии, чтобы обсудить со своими мидовцами ситуацию в отношениях Евросоюза и Белоруссии. До этого Белоруссия отозвала своих послов из Польши и из Евроцентра, из Брюсселя. Поэтому нечего здесь нагнетать истерию. Это обычный такой психологическо-дипломатический демарш, направленный на твердую, жесткую республику Беларусь и лично на Лукашенко, которому, на мой взгляд, повторяю, нет равных в Европе. Все эти ничтожные президенты типа Саркози и Берлускони – они в подметки не годятся твердому, мощному, авторитарному лидеру Лукашенко.

Что касается того, почему это произошло. Ведь, мы же с вами говорили о том, что оранжевая революция захлебнулась. И организаторы этих погромов в ночь после президентских выборов, когда громили административные учреждения, были арестованы. Некие из них показались, выпустили их на свободу, некоторые все еще в тюрьме. И было проведено расследование того, что же произошло. Это расследование, в частности, выявило, что спецслужбы Польши и спецслужбы Германии напрямую воздействовали на этот оранжистский поток, создавали коммуникации финансовые. Деньги в больших количествах скапливались на счетах в Литве, а оранжисты ездили в Литву и в чемоданчиках перевозили эти деньги в Минск для своих нужд. Поэтому Польша изначально занимает лютую антибелорусскую, впрочем, и антирусскую позицию. И если бы, повторяю, наша власть, Медведев или Путин были также последовательны и тверды по отношению к врагам, то у нас ситуация была бы гораздо спокойнее. А то Медведев и Путин (Путин в основном) приглашают к себе на встречу своих лютых врагов, ненавистников, которые глумятся над ним на площадях, в эфирах.

Т. Фельгенгауэр: – Настоящий демократ.

А. Проханов: – И устраивает им встречу.

Т. Фельгенгауэр: – Им можно только восхищаться.

А. Проханов: – Ну, это им может восхищаться слабый, дряблый слюнтяй. А у человека, понимающего, что такое власть в период кризиса, все это вызывает недоумение и даже презрение.

Т. Фельгенгауэр: – Странно, действительно, почему Путин, зная, что это может вызвать недоумение и презрение, зачем он себя так ведет?

А. Проханов: – Я думаю, что это ошибка. А как говорят, ошибка – это хуже, чем преступление.

Т. Фельгенгауэр: – Да. Как-то не ожидала я такого от Владимира Путина. А вот про эту раскрытую схему – это Лукашенко вам рассказал?

А. Проханов: – Нет, она печаталась, она была опубликована и в белорусской, и в российской печати. И даже, по-моему, на «Эхо» об этом говорилось.

Т. Фельгенгауэр: – А вы же с ним общались прямо вот так вот несколько часов?

А. Проханов: – Да, я с ним недавно встречался... У нас с ним была трехчасовая встреча.

Т. Фельгенгауэр: – Как у него настроение?

А. Проханов: – Ну, он встревожен ситуацией в России, должен вам признаться. Он хотел бы передать свой опыт общения с оранжистами. Но, в целом, он тверд, он в здравии, он крепок, он очень надеется на Евразийский союз, он желает победы Путину на выборах.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, в принципе, отношения Белоруссии с ЕС никаким ведь образом не влияют на отношения Белоруссии и России и ее участия в этом Евразийском союзе.

А. Проханов: – Влияет, влияет. Знаете, почему? Потому что белорусская продукция, например, трактора – она примерно на 80 % комплектуется из российских деталей. То есть российские рабочие, которые делают эти детали для белорусских тракторов, они получают рабочие места и заработки. Когда идет бойкот белорусской продукции на Западе, от этого страдает не только Беларусь, но и Россия в лице тех рабочих, которые строят на 2/3 эти трактора. Влияет. Сейчас все влияет друг на друга.

Т. Фельгенгауэр: – А как же тогда быть с тем, что мы хотим, чтобы Белоруссия была больше к нам расположена и с нами больше общалась, а не с Европой?

А. Проханов: – Ну, так и быть. То, что я сказал, не противоречит тому, что я только что произнес.

Т. Фельгенгауэр: – Бизнес есть бизнес? Выше политических каких-то интересов.

А. Проханов: – Нет, почему? Бизнес есть бизнес, но бизнеса без политики не бывает. Бизнес абсолютно политизирован, особенно в современном мире и в Европе. Бизнес, а потом авианосцы и бомбардировки.

Т. Фельгенгауэр: – Опять мы скатываемся к каким-то ужасающим картинам. Что же это такое?

А. Проханов: – Ну, нет этих картин. Я просто нагнетаю. Таких картин в мире нет.

Т. Фельгенгауэр: – Зачем вы нагнетаете? И так, видите, все на пределе. Сами говорите, что все на пределе и еще нагнетаете. Александр Андреевич?

А. Проханов: – Ну просто я смотрю на мир, вот смотрю на Ливию. Чудесная процветающая страна, которая не знает ни бомбардировок, ни авианосцев. Или Сирия.

Т. Фельгенгауэр: – Сирия – тоже хороший пример.

А. Проханов: – Оазис тоже. Прекрасная страна.

Т. Фельгенгауэр: – Город-сад Хомс.

А. Проханов: – Да, в который не вступают боевые подразделения. Или Иран, который хотят бомбардировать.

Т. Фельгенгауэр: – А вот еще есть Северная Корея. Замечательные новости оттуда пришли совершенно неожиданные. КНДР согласилась ввести мораторий на испытания ядерного оружия и запуски ракет дальнего радиуса действия. И, кроме того, прекратить работы по обогащению урана. Представляете, сколько всего сразу? Достаточно было другому человеку прийти к власти – и, пожалуйста, реформы, либерализм.

А. Проханов: – Я просто помню такой же мораторий на испытания ядерного оружия, объявленный Горбачевым после прихода к власти. И потом мне повезло, я присутствовал при выходе Советского Союза из этого моратория. Я поехал в Семипалатинск и видел первый термоядерный взрыв на полигоне после того, как мы вышли из моратория. Я думаю, что мораторий на испытания в Северной Корее продлится не слишком долго.

Т. Фельгенгауэр: – А, то есть раньше времени радуются эксперты, которые говорят, что вот это вот заявление о моратории на ядерные испытания – это начало к разрешению вот этих бесконечных, шестисторонних бесконечных переговоров вокруг ядерной программы Северной Кореи и прочего-прочего? Рано радуемся?

А. Проханов: – Я думаю, что вообще мы рано чему-то радуемся. Но я думаю, что это дипломатический шаг. Под этот мораторий Северная Корея получит много дизельного топлива от Америки, много чего еще.

Т. Фельгенгауэр: – Ну, Америка уже говорит про продовольственную помощь.

А. Проханов: – Ну, и продовольственная помощь. Так что они не напрасно прекратили.

Т. Фельгенгауэр: – Вот тут вам оранжевый квадратик специально включили к нашему эфиру под конец.

А. Проханов: – А что там такое?

Т. Фельгенгауэр: – Нет, все, уже выключили. Эх. Вот это просто какое-то оранжевое полотнище вывесили. Но согласитесь, что это выглядит достаточно революционно, ну, в хорошем смысле (подобные заявления от Северной Кореи).

А. Проханов: – Ничего подобного – они прекращали уже несколько раз и обогащение, и мораторий вводили. Это выглядит традиционно, а не революционно. Это выглядит абсолютно ситуационно. Я бы особенно не радовался и не возмущался этому.

Т. Фельгенгауэр: – Да. Печаль.

Что делать 4 марта? Выдайте инструкции вашим поклонникам, которых тут огромное число у нас в SMS.

А. Проханов: – 4 марта, мне кажется, нужно проявлять стоицизм, и я никому не могу рекомендовать кандидата, за которого следует отдать голоса. Видимо, сам я не пойду на выборы, потому что у меня нет предпочтений среди этого списка. Но надо готовиться к очень тревожным событиям 5-го и 6-го числа. И не впадать в истерику, в эйфорию и в панику. Просто трагическое колесо русской истории, которое один раз провернулось в феврале 1917 года, второй раз провернулось в августе 1991 года, готово провернуться еще раз в марте 2012 года и прохрустеть русскими костями.

Т. Фельгенгауэр: – Да. Но тут возникает... Даже не знаю, задавать ли вам вопрос «Есть ли жизнь после 4 марта?»? Или судя из всего сказанного, пока непонятно?

А. Проханов: – Как Мандельштам сказал, «и кровавых костей в колесе».

Т. Фельгенгауэр: – Жизни нет после 4 марта, судя по всему.

А. Проханов: – Да будет жизнь! Она была, ведь, и после февраля 1917-го, и после августа 1991-го.

Т. Фельгенгауэр: – Будет, но какая? Вот вопрос.

А. Проханов: – Но какая. Просто русская либеральная интеллигенция обладает поразительной способностью ввинчиваться в эту централистскую власть, упрекая ее в отсутствии гуманитарных представлений, справедливо упрекая в отсутствии гуманитарных представлений, и в конце концов приводя эту власть в прах, в труху, после чего возникает ситуация, когда гибнут все гуманитарные представления, за которые сражалась эта либеральная интеллигенция, и сама она оказывается растоптанной, окровавленной и расстрелянной. После этого она частью исчезает вовсе, частью уходит в подполье, мимикрирует под другую интеллигенцию. А потом опять в ней происходит регенерация и все начинается снова. Вот такая абсолютно трагическая фатальность.

Т. Фельгенгауэр: – Это какой-то трагический замкнутый круг.

А. Проханов: – Фатальность. Это не круг, это колесо называется.

Т. Фельгенгауэр: – Да. Трагическое колесо.

А. Проханов: – Солженицын назвал это колесо «красным», а я называю его черным – это колесо черной змеи, которая движется, шелестит и сверкает вдоль Садового кольца.

Т. Фельгенгауэр: – Та была белой.

А. Проханов: – Она покрасилась белой. Она взяла зубную пасту и покрасила себя в белый цвет.

Т. Фельгенгауэр: – Ах, это была зубная паста? Ну, хорошо. Спасибо, что не зубной порошок.

А. Проханов: – На здоровье. Ради бога.

29.02.12.

«Сойдешь поневоле с ума...»

М. Королёва: – Александр Андреевич, сегодня ваш день. Ну, вот ваш, поверьте. Дело в том, что сегодня стало известно: через перевалочный пункт в Ульяновске, возможно, будут проходить не только грузы, но и воинский контингент НАТО – об этом объявил сегодня глава МИДа Сергей Лавров, выступая в Госдуме. В связи с этим много вопросов к вам, которые пришли на наш сайт, от самых простых: «Как вы относитесь к размещению военной базы США и НАТО в Ульяновске?», до таких, как: «Можно ли тратить астрономические суммы на создание военной техники против НАТО и одновременно проводить тесное сотрудничество в военной сфере?»

А. Проханов: – Я думаю, что сам факт учреждения натовской базы на территории России приветствуется либералами – это давно желаемый либеральный итог, итог либеральной политики 20 лет. Сам по себе факт – он интересен, потому что это этап, этап «натонизации» России. Мы начинали с малого: мы открыли свое небо для американских грузов, помещая их на наши транспортные самолеты, досматривая их и перевозя их через пространство Сибири туда, в Среднюю Азию, в Афганистан, на этот знаменитый кабульский или баграмский аэродром, который я очень хорошо помню. Причем, говорилось, что эти грузы – не военные. Это фураж. Это амуниция, это бинты, это капельницы, это продовольствие...

М. Королёва: – А вы не верите?

А. Проханов: – Нет, я верю, так оно и было. Почему не верю? Я верю, да. Так оно и было. Это были военные, но не стреляющие, не боевые грузы, которые везли наши самолеты нашей таможенной контрольной службой.

Потом ситуация несколько изменилась – стали летать американские транспортные самолеты. И эти транспортные самолеты по-прежнему досматривались, и по-прежнему при обнаружении, там не знаю, ядерного оружия или каких-нибудь боеприпасов их снимали и объявлялись протесты. Потом эти досмотры были сведены практически до минимума – американцы стали таскать туда бог знает кого.

М. Королёва: – Какое ядерное оружие, Александр Андреевич? Я, может быть, что-то пропустила, но какое ядерное оружие?

А. Проханов: – Шутка.

М. Королёва: – А-а-а.

А. Проханов: – Но они стали туда таскать и вооружение, не знаю, неизвестно какое, и военные контингенты. И теперь, наконец, 4-й этап: мы установили на нашей территории в Ульяновске американскую, или натовскую, военную базу.

М. Королёва: – Я протестую только. Подождите. Вот, нам говорят, что это ни в коем случае не база, совершенно не военная база НАТО.

А. Проханов: – Это не база, это не база, это...

М. Королёва: – Это перевалочный пункт.

А. Проханов: – Это кемпинг, это голливудская площадка, где ведутся съемки талантливых голливудских актеров на тему участия натовских войск в войне в Афганистане.

М. Королёва: – Нет, ну, база – там они должны как-то жить, там должны быть казармы, правильно?

А. Проханов:— Повторяю. А все говорят: «База». Наши говорят: «Перевалочный пункт».

М. Королёва: — *Перевалочный пункт.*

А. Проханов: — Это опровергает тот тезис, с которого начинали наши политические и военные лидеры: «Никогда стопа натовского военного не коснется российской земли». Сейчас не одна стопа — там будут контингенты двигаться, маршировать. Ну, может, не маршировать — их будут таскать на бронетранспортерах или грузовиках американских. Это этап, еще один очередной этап для создания в России натовских зон, зон натовского влияния. Причем повторяю: это происходит на фоне усиливающихся слухов, связанных с тем, что в случае обострения социальной обстановки в России, в случае волнений, бунтов, восстаний, наша власть, кремлевская власть подписала некий меморандум с американцами, позволяющий им (американцам) установить контроль подразделениями морской пехоты США над нашими ядерными объектами.

М. Королёва: — *Александр Андреевич...*

А. Проханов: — Прообраз...

М. Королёва: — *Подождите, подождите, подождите.*

А. Проханов: — Нет, я не хочу ждать. Прообраз этого соглашения был заключен еще во времена Ельцина. Это была открытая договоренность. Речь шла о том, что когда был хаос с распадом Советского Союза и непонятно было, что делать с этим ядерным оружием, которое оставалось за пределами России, было назначено 4 места на российской территории, куда это ядерное оружие должно было быть гипотетически свезено, и эти 4 места, 4 пункта, по существу, могли быть подконтрольны американским военным контингентам в случае хаоса. Теперь ядерное оружие расплзлось, уже нет этих четырех пунктов — оно находится в лесах, в зонах, на подводных лодках, и поэтому такого рода контроль, контроль над шахтами невозможен. Но возможен контроль над ядерными центрами — над Саровом, над Челябинском, над Томским центром. Уже такой контроль отчасти установлен, потому что там стоят американские приборы, которые отслеживают радиационную обстановку.

М. Королёва: — *Вы имеете в виду компьютеры, которые производятся, допустим, в США?*

А. Проханов:— Нет, я имею в виду датчики, мониторы, которые расставлены по всей территории ядерных центров и которые отслеживают радиационную обстановку.

М. Королёва: — *Ну так мы просто сами, наверное, такую технику не производим. Вот и ставим иностранную.*

А. Проханов: — Да мы вообще ничего не производим, мы производим только зубочистки. И поэтому мы должны отдать нашу страну под контроль НАТО. И этой технике, и натовским войскам. Вы правы. Вот либералы говорят, что Россия — она страна первобытная, отсталая, населенная мохнатыми, чудовищными русскими людьми, у которых никогда не было ядерного оружия, поэтому сюда надо побольше натовских изящных и элегантных морских пехотинцев шоколадного цвета.

М. Королёва: — *Александр Андреевич, вот я вас сейчас слушаю, у меня такое впечатление, что я начинаю медленно сходить с ума. Знаете, почему?*

А. Проханов: — Вы уже давно, вы уже давно сошли с ума...

М. Королёва: – Да. Нет, во время ваших эфиров это у меня происходит. Потому что я слушаю вас и хочу понять, какие такие либералы все это сделали? Александр Андреевич, ну помилуйте! Это же решение... Вот смотрите, нам объявил это Лавров.

А. Проханов: – Они не сделали. Они приветствуют это. Это восторг.

М. Королёва: – Да как же?.. Какой восторг? Это же решение кого?

А. Проханов: – Но вы-то против этого, вы-то в ужасе от этого, конечно?

М. Королёва: – Нет, я...

А. Проханов: – Вы.

М. Королёва: – Я не знаю, как мне к этому относиться. Но ведь это решение властей...

А. Проханов: – Я вам подскажу, как.

М. Королёва: – ...а власть – это у нас кто? Путин, Медведев.

А. Проханов: – Я понимаю, что вы – сторонница Красной армии, победоносной Красной армии и для вас это решение чудовищно. Я вам говорю, что...

М. Королёва: – Нет, мы должны с вами понять, кто это сделал.

А. Проханов: – Психиатра вызвать вам?

М. Королёва: – Давайте.

А. Проханов: – Всё.

М. Королёва: – Итак, вы мне обещали разъяснить, кто же, все-таки, проводит такую политику? Кто допускает сюда? Пусть это не база, пусть это перевалочный пункт НАТО. Но ведь только что мы слышали во время предвыборной кампании антиамериканские выпады, что говорит Дмитрий Rogozin, который у нас отвечает за оборонку и за военно-промышленное сотрудничество, и так далее, который даже игрушки, считает он, нужно производить только наши, с нашей военной техникой.

И вдруг нам объявляет глава МИД Сергей Лавров, Владимир Путин не возражает, Дмитрий Медведев не возражает, соглашение подписано – у нас будет база, перевалочный пункт НАТО в Ульяновске. Причем здесь либералы? Или оппозиция, к примеру?

А. Проханов: – Попробуйте прислушаться к тому, что я говорю. Попробуйте прислушаться.

М. Королёва: – Я слушаю вас внимательно.

А. Проханов: – Значит, первый мой тезис такой, что либералы, либеральные круги не возражают против этого – они в восторге. Чем больше здесь будет натовских контингентов, тем спокойнее будут либералы собираться на Болотной площади, а у Прохорова будут в сохранности миллиарды.

М. Королёва: – Да они могут возражать или не возражать...

А. Проханов: – Попробуйте прислушаться к тому, что...

М. Королёва: – ...но они не имеют никакого отношения к принятию решений.

А. Проханов: – Попробуйте, несмотря на ваше глубокое душевное заболевание, прислушаться к тому, что я говорю. Тезис первый. Либералы в восторге от случившегося. Тезис второй. Это инициация кремлевской власти, инициация Путина...

М. Королёва: – *Все-таки?*

А. Проханов: – Нет, не «все-таки». Мы же с вами не дураки, мы понимаем, что это решение государственной важности и это решение принял Кремль. На мой взгляд, это трагическое решение. Оно не трагическое в стратегическом, военно-стратегическом отношении – оно трагическое в мировоззренческом отношении, потому что это именно удар по самосознанию национальному, травмирование национального сознания таким образом, что, по существу, все это выглядит как начало крупномасштабной оккупации натовскими войсками российской земли. Уже, вот, закупка натовских образцов вооружения, перевод структуры военной России Сердюковым на натовское членение бригадное. Все это порождает болезненные, мнительные предположения относительно того, что, несмотря на все внешние заявления антинатовские, Россию втаскивают в НАТО. И эта ульяновская история травмирует общественно-патриотическое сознание России.

Теперь, почему она произошла? Я пытаюсь объяснить себе. Не я был инициатором создания этого перевалочного пункта. Я думаю, что Путин, будучи избранным против воли либерального меньшинства и также вызвав тем самым огромное недовольство истеблишмента американского, потому что нет более ненавистного для американцев персонажа, чем Путин, он, находясь в очень жесткой конфронтации со средой информационной, политической, вынужден идти на компромиссы. Это компромиссное решение.

Что это значит? Во внешней политике России, в американо-российских отношениях много конфликтных зон. Например, иранская проблема или сирийская проблема, или проблема ПРО – это зоны острейших конфликтов. Есть сферы сотрудничества. Их не много. Этой сферой является афганская проблема и этой сферой является борьба с терроризмом. Поэтому вот в сфере американо-российского сотрудничества, в контексте афганской системы, это решение объяснимо. И это компромиссное решение, которое является частью...

М. Королёва: – *Но подождите. Тогда чем плохо? Всем только хорошо от этого решения, правда же?*

А. Проханов: – Нет, мне это ужасно. Мне это ужасно. Вам – хорошо, Путину – хорошо.

М. Королёва: – *А чем ужасно-то?*

А. Проханов: – Мне? Ну, это для меня является кошмаром, как если бы, например, над Кремлем развевался натовский флаг. Казалось бы, ничего особенного, правда? Ну что, тряпица, флаг развевается, ветер веет красивый. Или фашистский флаг.

М. Королёва: – *Ну, флаг – это, все-таки, символ. Подождите.*

А. Проханов: – Или фашистский флаг.

М. Королёва: – *А здесь вот вам пишут: «Склады для перегрузки с российских самолетов на поезда имущества». Это военная база, что ли?*

А. Проханов: – Флаг – это символ. А присутствие американской базы, натовской базы на территории России – это больше, чем символ. Это символ, переведенный в практику. Для меня это катастрофическое решение, понимаете? И не только для меня одного. Я думаю, что для очень многих людей, особенно для тех, кто отдал свой голос за Путина во время выборов. Хотя я его не отдавал.

М. Королёва: – *Вот я вас об этом хочу спросить. Об этом.*

А. Проханов: – Спросите.

М. Королёва: – На самом деле, смотрите, с одной стороны, сначала Кремль нагнетает антинаатовскую и антизападную риторику, и антиамериканскую. И когда люди уже готовы зааплодировать и закричать там «Долой НАТО, долой Америку», вдруг нам с трибуны Госдумы заявляют: «А у нас будет перевалочная база НАТО в Ульяновске, и это нам всем выгодно». Вот, действительно, здесь поневоле сойдешь с ума, когда сначала тебя подталкивают к тому, чтобы кричать «Долой НАТО!», а потом говорят «Браво, НАТО».

А. Проханов: – Так это же песня.

М. Королёва: – Зачем это делается?

А. Проханов: – (поет) «Сойдешь поневоле с ума...»

М. Королёва: – Да. Вот, смотрите.

А. Проханов: – Да. Мариночка, это ничего. Успокойтесь. Ничего-ничего. Натовские войска еще не подходят к Арбату. Значит, все это ужасно с моей точки зрения. Это огромный диссонанс. Это одно из противоречий кремлевской, путинской, медведевской власти – противоречие, которое разрывает нашу внутреннюю и внешнюю политику на куски, на части. И этот разрыв – он присутствует. Этот разрыв драматичен и он не позволяет мобилизовать население России для прорыва, для развития, для модернизации. Потому что вот эта двусмысленность, это постоянное противоречие, отмена, действительно, вот этих авангардных представлений и работа на национальных кодах... Путин работал во время предвыборной кампании на национальных русских кодах, которые говорят о том, что «да, Россия – это альтернативная цивилизация, она в опасности, над ней веют беспилотники НАТО, готовимся к отпору, к моральному, к военному, вкачиваем деньги в военно-промышленный комплекс». И вдруг эти коды, которые вдруг завибрировали, задышали, ожили после 20-летней спячки...

М. Королёва: – А по ним молотком.

А. Проханов: – Вдруг по этим кодам наносится удар. Поневоле сойдешь с ума. Но это к вам не относится, потому что речь идет о патриотических кодах.

М. Королёва: – Но вы меня успокоили, вы сказали, что к Арбату они еще не подходят.

А. Проханов: – Мариночка, либералы должны быть спокойны: натовские войска здесь, поэтому либеральные представления...

М. Королёва: – А как вы думаете, что мы, ну, то есть Кремль, что за это получил?

А. Проханов: Он получил относительную лояльность по отношению к тому, что намерен делать Путин. Вот это его, может быть, отчасти извиняет.

М. Королёва: – Как интересно. А что он намерен делать?

А. Проханов: – Ну, он намерен вкачать 23 триллиона рублей в развитие оборонного комплекса. Он намерен вкачать эти деньги в модернизацию ВПК и создание новых систем оружия. Вот я завтра еду в Тулу на оборонный завод, где строятся новые типы вооружений для предотвращения бесконтактной войны.

М. Королёва: – Ну вот сразу выдали военный секрет, военную тайну.

А. Проханов: – Нет, я выдал мою частную жизнь.

М. Королёва: – Хорошо. Но вот...

А. Проханов: – Так что папарацци могут ехать в Тулу.

М. Королёва: – *И, опять-таки, поневоле сойдешь с ума. Здесь я вынуждена повторить вам вопрос слушателя. Вот, как можно одновременно тратить астрономические суммы на создание военной антиинатовской техники и проводить сотрудничество, тесное сотрудничество с НАТО?*

А. Проханов:– Политика и дипломатия строятся не на декартовой и аристотелевой логике. Это квантовая логика. Там можно многое одновременно делать. Там можно убивать врага и одновременно после его убийства заниматься его реанимацией и реинкарнацией.

М. Королёва: – *Все-таки, что бы ни произошло, Кремль вы всегда будете оправдывать. Правда?*

А. Проханов: – По-моему, все, что я сейчас говорил, это сплошная апология Кремлю, вы правы. Да. В общем, трудно вести эфир с сумасшедшим, действительно. Я буду делать некоторое снисхождение и скидку.

М. Королёва: – *Это Александр Проханов, это его особое мнение. У меня к вам второй вопрос, который связан тоже с внешней политикой. Вот, в российском Генштабе разработан план действий на случай нанесения ударов по Ирану. Вы об этом знаете?*

А. Проханов: – Конечно. Я же его разрабатывал.

М. Королёва: – *Ну тогда, может быть, вы знаете и детали, потому что пока детали никто не обнародует. Но план уже разрабатывается – сегодня об этом объявил глава Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности.*

А. Проханов: – Это не мудрено, потому что в случае нанесения Израилем или Америкой, или Израилем при попустительстве Америки удара по Ирану конфликт будет разрастаться стремительно, и он захватит территорию не только Израиля и Ирана, он захватит территорию всего Ближнего Востока, он перекинется в зоны Ирана, Китая и Пакистана. Весь шиитский мир (а он огромный) поднимется на дыбы. И поскольку будут применены, по-видимому, и ядерные средства, во всяком случае, умные бомбы с небогащенным ураном, сверхтяжелые и сверхточные бомбы, то вот эта ядерная...

М. Королёва: – *Это с чьей стороны?*

А. Проханов:– Со стороны Израиля. То, конечно, антиамериканское восстание шиитских контингентов в Пакистане, у которого есть ядерное оружие, чревато большими непредсказуемыми опасностями. Вообще ядерное...

М. Королёва: – *Я просто хотела спросить, причем здесь Россия? Вот, с какой стороны здесь...*

А. Проханов: – Вы знаете, Россия находится на планете Венера. Земные проблемы России не касаются. Если здесь будут полыхать ядерные взрывы, Россия будет далеко – она будет заниматься проблемами Болотной площади с Венеры.

Значит, Россия находится в эпицентре этого процесса. Кстати, ближневосточная война, о которой все говорят, что она вероятна, она включает так называемый «большой Ближний Восток». А Грузия входит, по американской терминологии, в этот большой Ближний Восток. Значит, эта война затронет Грузию. Грузия, как вам известно, находится очень далеко от России – между нами полярные льды и целые океанические пространства.

М. Королёва: – *Мы просто с вами говорим об этом уже как о данности какой-то, а я бы хотела уточнить, насколько это вообще вероятно.*

А. Проханов: – Мы с вами говорим как о данности, потому что к этой войне готовятся, ее анонсируют.

М. Королёва: – *Ее анонсируют. Но насколько она вероятна?*

А. Проханов: – Вот когда говорят о ружье, которое висит и оно заряжено, оно стреляет. И, повторяю, эта война, которая будет или не будет (во всяком случае, я думаю, что Россия делает все, чтобы этой войны не было), эта война Россию затронет напрямую. Потому что катастрофа геополитическая и геоэтническая в Азии, в азиатском регионе, который очень близко от Ближнего Востока, приведет к окончательному краху режима Карзая в Афганистане, к окончательному краху американского присутствия там, в этих регионах. Это сместит все оси баланса в Азии, это будут огромные количества беженцев. Из Ирана попрут беженцы в близлежащие территории – в Азербайджан, в Дагестан. И это чревато для России.

Более того, как ни странно, есть некоторые люди, говорящие, что такая война выгодна России, потому что это приведет к резкому взлету цен на нефть. А вся наша экономика зиждется на избыточном профите за счет нефти.

М. Королёва: – *То есть Россия может втайне подталкивать какую-то из сторон к такой войне, считаете вы?*

А. Проханов: – Я думаю, этот прагматический, ублюдочный, извините меня за выражение, интерес, связанный с ценами на нефть, он настолько примитивен (его перекрывают риски, гигантские риски), что внешняя политика России, даже если бы она возглавлялась не таким мудрым лисом, как Лавров, а каким-нибудь кретином ельцинских времен, она бы все равно исключала подталкивание Израиля к бомбардировке Ирана.

Но здесь еще другой момент. Я очень надеюсь, хотя, меня опровергнут все основные мои иранские друзья, что все-таки у Ирана есть хоть какая-то грязная бомба, хоть какая-то грязная. Хоть не классическая ядерная, а грязная. И этот грязный ядерный заряд в случае бомбардировки Ирана посыплет головы израильских безумцев, и Израиль будет посыпан этой ядерной бомбой как возмездие за этот чудовищный Иран. И, я думаю, Нетаньяху, у которого неплохо поставлена разведка, он опасается того, что у Ирана такая грязная бомба есть.

М. Королёва: – *Но вы, на самом деле, в начале нашего разговора об этом, вы упомянули то ли Америку, то ли Израиль, кого-то из них. А, собственно, кто здесь заинтересован? Вот, Америка-то заинтересована в нанесении такого удара? Или, все-таки, нет?*

А. Проханов: – Если послушать предвыборные дебаты сегодняшних американских претендентов, то да, речь идет о подавлении ядерной программы Ирана, которая, якобы, стоит в дюйме от создания классической ядерной бомбы.

М. Королёва: – *Ну, это заявления на официальном уровне.*

А. Проханов: – А на неофициальном уровне...

М. Королёва: – *А на самом деле?*

А. Проханов: – А на уровне чего? На уровне разведок?

М. Королёва: – *Ну, вы же всегда смотрите вглубь.*

А. Проханов: – Или на уровне «The New-York Times»?

М. Королёва: – *Ну, вы же всегда смотрите вглубь, в корень проблемы.*

А. Проханов: – Я бывал много раз в Иране. Конечно, я не был допущен в секретный центр, хотя был в Бушере, который строила Россия. Я могу вам сказать только одно, что все

иранцы мечтают иметь бомбу. И либерального направления, и фундаменталистского направления – они сходятся на том, что бомба Ирану нужна. Если бы сейчас у Ирана была бомба реальная, никто бы не пикнул о бомбардировке Ирана. И атомная бомба в современном мире является оружием сдерживания. Давайте поклонимся ядерной бомбе. Это святая бомба, которая предотвратила мир от Третьей мировой войны.

М. Королёва: – Нет, вы знаете, с вашего позволения, я все-таки бомбе кланяться не буду. Я надеюсь, что мы с вами...

А. Проханов: – А придется.

М. Королёва: – Нет, не буду, Александр Андреевич.

А. Проханов: – А я вас заставлю.

М. Королёва: – Нет. Давайте встретимся через 3 минуты, может быть, за это время как-то у вас запал пройдет.

А. Проханов: – Вот за это время и поклонитесь бомбе. Я скажу зрителям, что вы поклонились бомбе.

М. Королёва: – Ну, давайте немного о наших делах внутрироссийских. У нас, знаете ли, тоже хватает всего. Вот, сегодня стало известно, что Госдума собирается пригласить главу МВД Рашида Нургалиева выступить на правительственном часе. Это связано с чудовищным случаем, который произошел в Казани – вы слышали, наверное, там умер человек, которого задержали. Потом он умер в больнице. Вроде бы он был изнасилован бутылкой в отделении милиции. Ну, действительно, тут просто и комментариев-то, наверное, не дашь никаких.

Ну вот депутаты сегодня сказали, что они возмущены событиями в Казани. Наши слушатели тоже возмущены – присылают вам вопросы. Вот спрашивают: «Что делать с милицией-полицией?» Там же была аттестация после того, как была переименована служба, да? Вроде бы должны были отобрать лучших. Ну, кто виноват, что делать – это все понятно. Но заметьте, никто не отправлен в отставку: ни глава МВД Татарстана, ни глава МВД России в связи с подобным случаем. Это нормально?

А. Проханов: – Не знаю. Я очень далек от субординационных таких вещей. Я просто, как ни странно, вижу связь вот этого чудовищного случая, ужасного случая, например, с перформансом девиц в Храме Христа Спасителя.

М. Королёва: – Каким это образом?

А. Проханов: – Ну вот я вижу эту связь. Это говорит о том, что исчезли табу. Все растабуировано, все дозволено. В народе поселился зверь. Этот зверь явился результатом той чудовищной культуры и пропаганды, которая сдирает с человека человеческое, растабуирует в нем зверя и животное.

М. Королёва: – Александр Андреевич, помилуйте. Но в полиции какая культура? Вы о чем?

А. Проханов: – Ну, конечно, в полиции же работают...

М. Королёва: – Ну что там? Какой там постмодернизм возможен? Ну что вы, в самом деле?

А. Проханов: – Нет, ну что? В советской милиции не было этого.

М. Королёва: – Может быть, нам просто не говорили об этом?

А. Проханов: – Не говорили. А на самом деле там истязали. Я знаю, что и Космодемьянскую застрелили милиционеры. В советской милиции не было этого, потому что советский человек был подвержен мощнейшей обработке на протяжении 70 лет. Эта обработка была связана с тем, чтобы задавить в нем животное, задавить в нем свирепого человека.

М. Королёва: – *Но и человека тоже задавить.*

А. Проханов: – Задавить в нем животное, задавить в нем свирепого человека. В нем пытались разбудить творца, сотоварища, человека жертвенного, художника и героя. Удалось это сделать или нет, я до конца не знаю. Во всяком случае, моя среда, в которой я жил и воспитывался, демонстрировала высочайшие примеры нравственного героизма и стоицизма.

После 1991 года возникла культура насилия, культура осквернения, культура пыток, культуры торжествующего зверя. И, по существу, то, что сделали эти люди в застенке (а они сделали только потому, что у них нет никаких сдерживающих центров), видимо, они не боялись увольнений, пистолетов. Они получили жертву, в них возник животный инстинкт – животный, звериный инстинкт поиздеваться над пленным, прежде чем уничтожить. То же самое у этих девиц. Животный инстинкт осквернить, изнасиловать ценности, создать страдания, причинить страдания другим, в данном случае – верующим. Поэтому я и вижу, что в обществе нашем за это время сложился культ беспощадного.

М. Королёва: – *Сам сложился?*

А. Проханов: – Нет, под воздействием вот этой победившей культуры, культуры миллиардеров, культуры гедонизма, культуры, направленной на утоление низменного в ущерб возвышенному. Ведь самое низменное в человеке – это убийство ближнего, причинение насилия ближнему или убийство его. И дошли до этого. Чего стоят, например, выставки, я помню, которые прокатились по всей Европе и пришли к нам, экспозиции были. Этот Хагерт или Хегерт, немец, который делал статуи, муляжи из реальных трупов. Он их высушивал, он их экспонировал, он создавал...

М. Королёва: – *Да, были такие скандальные выставки.*

А. Проханов: – Почему скандальные? Это норма.

М. Королёва: – *Ну, они и там, на Западе, вызывали скандалы определенные.*

А. Проханов: – Нет, там они не вызывали, потому что там пройдено все.

М. Королёва: – *Подождите. Но только в Европе полиция никого не насилует бутылками.*

А. Проханов: – Нет, в Европе она не насилует бутылками, просто она (Европа) стирает с лица земли целые государства, как это было в Ливии. А что касается тайн этих американцев, которые мочатся на убитых талибов или пытаются арабов в Абу-Грейб, сжигая на глазах у верующих Коран и доводя их до безумия, это норма.

М. Королёва: – *Ну, вы же не хотите сказать, что это в массовом порядке происходит. Простите, дураки-то есть везде.*

А. Проханов: – Всего несколько тысяч американцев замешано в этих пытках, в эти избиениях. Это крохи в стране.

М. Королёва: – *Просто вы сказали о том, что в вашем кругу в советское время не было таких людей – были исключительно люди высоких... Ну, я надеюсь, что и сейчас в вашем кругу, в том, в котором вы возвращаетесь и общаетесь, тоже нет таких людей.*

А. Проханов: – Я сейчас вращаюсь в самых разных кругах, в том числе я вынужден вращаться в тех кругах, которые меня ненавидят, и я их тоже ненавижу. И я знаю, что эти круги беспощадны, они беспощаднее этих милиционеров казанских. Потому что...

М. Королёва: – *Вопрос только, зачем вы тогда с ними общаетесь?*

А. Проханов: – Ну, поневоле. Я же проповедник. Я вращаюсь в этих кругах. И я писатель. Не журналист. Я писатель.

М. Королёва: – *А, вы изучаете просто фактуру?*

А. Проханов: – Конечно. Я вынужден вращаться во всех кругах. Поэтому ужасно убить человека, ужасно изнасиловать его плоть. А еще страшнее изнасиловать дух человека, создать в течение 20 лет непрерывную моральную пытку людям, исповедующим фундаментальные национальные или религиозные ценности.

М. Королёва: – *Подождите. Но кто-то же должен это остановить? Кто-то должен сказать «Нет»? Ну, например, отправить в отставку министра внутренних дел, сказать, что вот человек за это отвечал, да? И он слетит со своего поста, если будет так, если его подчиненные будут действовать так.*

А. Проханов: – Да. Но одновременно надо отправить в отставку целый комплекс людей, отвечающих за культуру, за информационную среду, за воздух, которым дышат дети, отменить эти чудовищные фильмы на НТВ, которые проповедуют порнуху и совокупление непрерывное. Сейчас выходят эти фильмы. Это фильмы чудовищного декаданса, это фильмы, которые приводят к абсолютному размыванию моральных ценностей.

М. Королёва: – *Что за программы вы смотрите, Александр Андреевич?*

А. Проханов: – Я смотрю программу «Спокойной ночи, малыши».

М. Королёва: – *И там вот это все показывают?*

А. Проханов: – И там вот это показывают все. Это в программе «Спокойной ночи, малыши».

М. Королёва: – *Боже ты мой! Смотрите, вот Анатолий Кучерена, например, делает совершенно конкретное предложение в связи со всем этим. Он, например, предлагает переставить видеокamеры с избирательных участков на полицейские участки. А что? Может быть, действительно, если оборудовать вот этими камерами все полицейские участки...*

А. Проханов: – Отлично. А можно сделать, знаете, что? Вот, все гастроскопы, которые находятся в больницах с этими маленькими телевизионными камерами на конце, вставить, извините, в прямую кишку всем нашим гражданам, чтобы, как только их насиловали с помощью бутылок, сразу шли сигналы в Кремль.

М. Королёва: – *Интересное предложение.*

А. Проханов: – Я поговорю с Кучереной. Надо развить это. Поэтому, повторяю, все, что произошло в Казани, чудовищно. Но все, что происходит с осквернением святынь национальных и с разрушением национальных кодов (а, кстати, именно это произошло в Храме Христа Спасителя), это еще страшнее.

М. Королёва: – *У вас тут спрашивают (я просто немножко в сторону уйду), что происходит с Антиоранжевым комитетом? Вопрос от нашего слушателя. Он продолжает действовать?*

А. Проханов: – Нет. Антиоранжевый комитет не продолжает действовать, потому что оранжевой...

М. Королёва: – А что такое? Большие нет оранжевой угрозы?

А. Проханов: – Оранжевая революция захлебнулась, она уничтожена, оранжевый шарик сдулся, и с огромных, стотысячных митингов на Болотной от него остались просто дутыши. И на Арбате...

М. Королёва: – Да что вы говорите? То есть большие антиоранжевых, так сказать...

А. Проханов: – Пока нет.

М. Королёва: – ...комитетов не будет и митингов антиоранжевых тоже?

А. Проханов: – Оранжевая революция захлебнулась благодаря ряду технологий, в том числе и антиоранжевой технологии.

М. Королёва: – Вот тоже спрашивают вас в связи с этим, почему Кургиян сразу после переизбрания Путина отказался продолжать участвовать в «Историческом процессе»?

А. Проханов: – Ну это надо спросить у Сергея Ервандовича. Мне кажется, что он не отказался, просто он, видимо, сейчас занят чисто политическим конструированием (мне так кажется), и он занимается созданием очень интересной политической...

М. Королёва: – Тут просто предполагают, что, может быть, это был чисто такой предвыборный ход: выпустить такого человека на арену, а потом это уже не имеет смысла.

А. Проханов: – Но этот человек на арену был выпущен не перед выборами. Он, по-моему, два года блистательно работал сначала на Пятом канале, возвысив этот канал. Поскольку рейтинг его личный и канала был очень высок, он перешел на второй канал. А в результате его сверхпопулярности к нему потянулись люди, и он решил, что он будет создавать организацию.

М. Королёва: – Понятно. Но я, все-таки, возвращаюсь вот к этому вопросу с оранжевой угрозой и Антиоранжевым комитетом. Вы уверены в том, что вот так все и закончилось? Вот смотрите, Сергей Удальцов, например, предлагает 5 мая провести в Москве народный марш миллионов, вывести миллионы людей. Ну, это перед инаугурацией, как известно, да? То есть за два дня провести такой марш. Он уверен, что удастся вывести на улицы миллионы людей, в том числе по России.

А. Проханов: Не получится. Нет. Мое почтение, мой респект Удальцову (это сильный человек), но ничего не получится. Вот этот ком негодования, который возник сразу после парламентских выборов, вот такой компаунд, где было очень много составляющих, он распался, потому что там несовместимы дамы в норковых шубках, которые выходят и говорят: «Мы начинаем революцию норковых шуб». Ксения Анатольевна несовместима с Удальцовым, с красным радикалом и революционером – они взаимоисключающие. Либеральные интеллигенты, которые танцевали свой либеральный танец танго, призывая к либеральным преобразованиям, которые называют себя антифашистами, Антифа, они националистов, пришедших на этот митинг, называют «нацики». И поэтому националисты ушли с митинга на Арбате. Они несовместимы. И поэтому вот этот ком распался – его больше не собрать. И дисперсия началась. Тем более, что власть достаточно остроумно запустила так называемую политическую реформу, и весь этот слой, такой взбудораженный, рефлексирующий, он сейчас будет занят созданием партий. И мы сейчас будем наблюдать, как будет появляться много-много-много-много маленьких, крохотных муравейников вместо одного большого. Так что власть перехитрила оппозицию.

М. Королёва: – *А протестов не будет, Александр Андреевич?*

А. Проханов: – Нет, протесты будут, но они должны уже быть не оранжевые. Если действительно налоги будут расти, если действительно тарифы будут скачкообразно нарастать...

М. Королёва: – *Цены на нефть, к примеру, понизятся.*

А. Проханов: – ...цены на нефть будут падать, если они будут падать, если бюджет окончательно опустеет (а он сейчас пуст), если волна кризиса накроет Россию, то на улицу выйдет Уралвагонзавод.

14.03.2012.

О новом правительстве и Уралвагонзаводе

К. Басилашвили: – В эфире программа «Особое мнение». И сегодня у нас на сцене Александр Андреевич Проханов, Советский Союз. Здравствуйте, Александр Андреевич.

А. Проханов: – Здравствуйте, здравствуйте, демократка Басилашвили, привет вам из советского прошлого.

К. Басилашвили: – Почему? Из настоящего.

А. Проханов: – Из будущего.

К. Басилашвили: – Из будущего, из будущего, конечно. Тем более, мне странно из этого будущего задавать вам вопрос вот какой. Почему вы до сих пор не на Уралвагонзаводе? Понимаете, что Уралвагонзавод – это настоящая кузница наших отечественных кадров. Уже второе назначение происходит. Почему вас нету в списках этого предприятия?

А. Проханов: – Это объясняется только тем, что я совсем недавно побывал на уральском оптико-механическом заводе.

К. Басилашвили: – Вы неправильный выбор сделали.

А. Проханов: – Я сделал правильный выбор, потому что моя интуиция говорит, что следующий кадровый набор будет осуществлен на этом блистательном, восхитительном заводе, равных которому я никогда не видел. А Уралвагонзавод – он, видимо, исчерпал свой потенциал. Потом ведь все-таки там делают танки. Это такая грубая техника.

К. Басилашвили: – Ну как это исчерпал? Вот назначен уже второй человек, второй крепкий мужик, Евгений Школов.

А. Проханов: – Видимо, будет третий и уже четвертого там просто не найти, потому что останутся конвейеры. А представляете, если танки пойдут вслед за своими экипажами в администрацию президента? А вот тот завод, на котором я был, оптико-механический, да?..

К. Басилашвили: – Ну, могут окружить администрацию президента.

А. Проханов: – Это завод стекла, это завод хрусталей, это завод оптических спектров, это завод радуг, это завод утонченных технологий, там золото, там платина, там компьютеры, там изысканные люди, завод похож на Эдем. Вот оттуда мы будем брать наших будущих полпредов.

К. Басилашвили: – Это если будет Екатерина Вторая (ну, наподобие), это такое, женское начало, понимаете? (оптика)

А. Проханов: А вы знаете, что Путин совсем недавно высказался в пользу Екатерины Второй? Ему все время навязывали образ Петра Первого, и он устал от этого brutального образа. Он сказал, что Катерина была великой собирательницей земель и пролила за этим занятием меньше крови.

К. Басилашвили: – И, все-таки, если серьезно: в чем сила Урала? Почему оттуда черпает своих назначенцев Владимир Путин?

А. Проханов: – Изнеженная, развратная, бессмысленная, утонченная, болезненная, отчасти лесбийская, отчасти педерастическая Москва утратила волю к жизни, волю к имперскому строительству. А Урал всегда был очень мощным, грозным, таинственным. Урал – мистическая часть России. На севере Урала – Верхотурье, соединенное с божественными православными силами. На юге Урала – Аркаим, это древняя матка, откуда вышли арийцы. В центре

Урала – Ганина яма, где кончилась романовская третья империя и там же родился Ельцин, который положил конец четвертой, сталинской империи.

И Урал, по существу, постоянно генерирует исторические энергии.

К. Басилашвили: – *То есть в этом что-то мистическое есть, такое исконно?..*

А. Проханов: – Ну как, в общем, в любой русской земле, как и в Брянщине в том числе.

К. Басилашвили: – *Да, Брянщина-Брянщина! Сегодня с Брянщины приходят новости – вы все знаете, что там чуть было не стрясло, но, слава богу, удержали на земле работяги вот этот шалаи, где проходили переговоры и встречи с деятелями мяса, с теми людьми, которые занимаются мясной промышленностью. Туда приехал Дмитрий Анатольевич Медведев. Почему вдруг первая поездка в должности премьер-министра именно на Брянщину? Это что, такая животрепещущая отрасль у нас – мясная промышленность?*

А. Проханов: – Мне кажется, что это связано еще с тем, что синоптики предсказывали там ураган и ветер. А быть унесенным ветром сразу же после назначения премьер-министром – это великолепная миссия. И то, что там произошло – мне кажется, вот эти фермеры, эти грубые брянские земледельцы и скотоводы просто не поняли замысла проекта. Дмитрий Анатольевич Медведев вовсе не хотел оставаться на этой брэнной земле – он хотел на этом шатре, на этом ковче-самолете унести в восхитительное будущее и оттуда, из будущего, манить нас к себе. И я знаю брянских людей – это, в общем, такие, фундаментальные русские люди, они не понимают тонких этих интеллигентных энергий и замыслов, которыми преисполнен Дмитрий Анатольевич Медведев.

К. Басилашвили: – *Но вот этот визит первый в должности премьер-министра из Москвы на Брянщину – вы видите в нем какой-то знак, что именно Брянская область, что именно животноводство? В чем здесь смысл?*

А. Проханов: – Я гадал. Первое, что мне пришло в голову (и это, конечно, ошибочное представление), что Дмитрий Анатольевич Медведев поехал на Брянщину только потому, что я там был 2 дня тому назад. А я был на Брянщине. И, вот, лавры моего пребывания на Брянщине не дают ему покоя.

К. Басилашвили: – *Вы везде – то вы на Урале преследуете Путина...*

А. Проханов: – Я стремительный человек, я стремительный человек...

К. Басилашвили: – *...то Медведева на Брянщине.*

А. Проханов: – ...И я успеваю на эфир «Эха», между прочим, каждый раз. А между двумя эфирами я бываю то на Брянщине, то на Ближнем Востоке.

К. Басилашвили: – *Хорошо. Тогда, если Александр Проханов все знает про Брянщину, так расскажите же, каковы там обстоятельства животноводства, что потребовалось вмешательство премьер-министра?*

А. Проханов: – Вот, как я слышал от своих новых брянских людей (это люди очень респектабельные, представительные и не бедные), Брянщина потеряла свое сельскохозяйственное население. По существу, брянские деревни пусты или полупусты. Эти восхитительные земли – они опустошенные. И то ли это произошло в результате естественных процессов, то ли просто это такая гигантская в масштабе России зачистка русской земли от русских людей. Но Брянщина являет собой такие зияющие пустоты. И люди, интересующиеся этими пустотами, решили туда, на эти пустые плодородные земли, завести американский скот. Причем они завезли этот американский скот вместе со скотоводами. И мне говорили эти люди, что, появ-

ляясь на этих пространствах, где когда-то ходили самоходные красные комбайны, русские пастушки играли на всяких жалейках, они встречают колючую проволоку, огромные пастбища, закрытые для посещения. Там колючка, а внутри этой колючки бродят какие-то удивительные коровы, чуть ли не двухголовые, и ковбои в шляпах. Ковбои на этих высоких каблуках.

К. Басилашвили: – *Вот так вот исподволь захватили ковбои нашу русскую землю. Поговорим об этом...*

А. Проханов: – И не только. И не только русскую землю.

К. Басилашвили: – *А Александр Андреевич, между тем, носитель ценной информации о ковбоях на брянской земле. И сейчас он продолжит делиться вот той картинкой, которую сегодня наблюдал Дмитрий Анатольевич Медведев там же, на Брянщине.*

А. Проханов: – Ну, более того, что я вам сказал о ковбоях, я просто не скажу. Это все корпоративная тайна, потому что я так или иначе участвую в этом переселении ковбоев из Техаса на Брянщину. Брянщина – интересный очень мир, град. Там не впервые за последние годы я обнаружил мощный пласт новых русских предпринимателей. Один из них, Олег Васильевич Розанов, являет собой нового русского предпринимателя, который вкладывает излишки своих состояний и приобретений не в алтари или не только в алтари и церкви, но в русскую культуру, в русскую литературу, в русские информационные технологии, понимая, что сейчас самая главная задача для русского народа – это понимание того, что с ним творят, понимание того, в какой беде он оказался, понимание того, откуда быют в него эти страшные электронные пушки, уничтожающие в нем смысл.

К. Басилашвили: – *Откуда же быют эти пушки? Давайте поговорим о тех, кто эти пушки, может быть, способен сдерживать. Ведь назначено новое правительство, да? И вчера я слушала интервью очень интересное: на вашем месте сидел Глеб Павловский, и он... Как мне показалось, главная мысль разговора была в том, что теперь главный человек в нашей стране – это глава Роснефти. Он умеет договариваться (господин Сечин), он умеет эти договоренности сдерживать, отдавать долги и так далее. Вот, Роснефть, Сечин, а остальное не важно. А у вас какое мнение?*

А. Проханов: – Одна из этих пушек – сам господин Глеб Павловский, кстати. Было время, когда эта пушка стреляла без остановки, но потом, видимо, то ли ствол перекалился, то ли застрял снаряд, и его как-то выдвинули с первой позиции, перевели в эшелон № 2.

Наверное, Сечин по-прежнему остается очень мощной фигурой. Хотя, мне кажется, его новая роль – она не политическая, она корпоративная роль, она экономико- и корпоративная роль. А главным все-таки персонажем в новом правительстве, мне кажется, является Владимир Мединский. И не надо приуменьшать роль этого нового человека. Недаром вокруг него бушуют страсти, о нем пишет мировая пресса, он вызывает острейший интерес всей публики. У одних – ненависть, у других – недоумение.

К. Басилашвили: – *Но у вас просто ревность, понимаете? Потому что вы хотели занять этот пост министра культуры. Вы же тоже историк, вы же тоже разоблачитель и носитель мифа о нашей русской истории. А Мединский вас обошел, и вот он уже на посту министра, а вы здесь, на «Эхе Москвы».*

А. Проханов: – Открою вам тайну: я никогда не стремился к портфелям. Я всегда был теневым человеком, я управлял миром из темных теневых углов. И, кстати, тот факт, что «Эхо Москвы» по-прежнему преуспевает, по-прежнему существует и развивается, есть здесь отчасти и моя заслуга. Я из своей тени, из своего тайного такого чулана управляю всеми медийными процессами.

К. Басилашвили: – Это безусловно, это безусловно. И, все-таки, я поняла, что об Игоре Сечине вы не хотите говорить, хотите поговорить о Владимире Мединском. Хорошо. Тем более что...

А. Проханов: – Нет, я готов говорить и о Сечине. Вы же понимаете, что мне вообще все равно, о чем говорить, лишь бы говорить.

К. Басилашвили: – Это понятно. Но вы же можете оценить Владимира Мединского как ученого, вы читатель его книг, его оппонент, даже здесь, на «Эхе Москвы». Вы могли бы дать такую характеристику его кандидатуре?

А. Проханов: – Я бы мог дать эту характеристику. Я хочу присоединиться к хору людей, которые оценивают это неожиданное назначение.

К. Басилашвили: – Но оценивают как? Я сталкивалась, в основном, вот из того, что читала, с таким недоумением в адрес Мединского.

А. Проханов: – И с таким внутренне негативным отношением.

К. Басилашвили: – Да, внутренне негативным. Почему же?

А. Проханов: – Мне кажется, что это назначение весьма удачно. Конечно, господин Мединский не организатор. А министр – это, конечно, организатор, прежде всего. И настоящий, крупный министр – это носитель проектов, это человек, который несет с собой в министерство проект, то есть крупную такую композицию, которую он будет реализовывать на этом посту. По-видимому, у Владимира Ростиславовича нет вот этого проекта. Может быть, я ошибаюсь.

Чем он интересен и хорош? В течение 20 лет при Ельцине и при Путине власть взращивала и спонсировала культуру, либеральную культуру, культуру нигилизма, культуру осмеивания, карнавальную культуру, во многом культуру осквернения, культуру Гельмана, культуру, которая позволяет себе рубить иконы, шокировать и эпатировать обывателей. И эта культура за эти 20 лет выросла как доминирующая в сегодняшней России культура и превратилась в культуру, враждебную Кремлю. И мне кажется, что Владимир Владимирович Путин страшно удивлен тем, что люди, персоналии, а также целые пласты, которым давались гранты, которых посылали за границу, которых награждали премиями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.